

БЕН-ЦИОН ДИНУР

Мир,
которого не стало

*Воспоминания
и впечатления
(1884 — 1914)*

Бен-Цион Динур

Мир, которого не стало

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11646572

*Бен-Цион Динур / Мир, которого не стало. Воспоминания и впечатления(1884-1914): Мосты культуры/Гехарим; Москва; 2008
ISBN 978-5-93273-282-2*

Аннотация

Воспоминания выдающегося израильского историка и общественного деятеля Б.-Ц.Динура, впервые опубликованные на иврите в 1958 г., охватывают период с начала 1880-х гг. до первой половины 1910-х гг. Основываясь на личных записях этого времени, автор воссоздает подробную картину еврейской религиозно-общинной, культурной и общественно-политической жизни в Российской империи и Германии. Уникальный исторический материал, представленный в воспоминаниях Динура, позволяет русскому читателю по-новому взглянуть на жизнь различных слоев российского общества на рубеже веков.

Содержание

Мир, которого не стало	4
Книга первая	8
Глава 1. Первые воспоминания	8
Глава 2. Дом и семья	22
Глава 3. Меламеды и учителя	31
Глава 4. В доме дяди Кальмана	45
Глава 5. Друзья и развлечения	58
Глава 6. Первые скитания	69
Глава 7. Скитания и учеба	85
Конец ознакомительного фрагмента.	98
Комментарии	

Бен-Цион Динур **Мир, которого не** **стало. Воспоминания и** **впечатления (1884–1914)**

Мир, которого не стало

*** * ***

Последние годы я ощущаю душевную потребность запечатлеть на бумаге воспоминания и образы своей жизни. В сущности, это даже не потребность, а своего рода внутренняя необходимость. Неотчетливое душевное волнение не дает мне покоя; перед моим внутренним взором непрерывно проходят фигуры прошлого: образы и явления, места и ситуации, дома и семьи, люди, города, местечки и целые миры. Объединяет их то, что они уже почти все погрузились в пучину забвения. И они встают передо мной, требуя, чтобы я их запечатлел: «Мы хранились в твоих воспоминаниях, но уже почти забылись; нас уже нет, мы скрыты от будущих поколений – неужели ты отречешься и не воскресишь нас из

глубин своей памяти? Неужели ты сотрешь наши имена с лица земли и не оставишь памяти о нас?» У меня нет возможности избавиться от этой душевной борьбы, она похищает мой покой то монотонной назойливостью, то острыми приступами...

В одну из бессонных ночей, когда эти миры снова требовали своего воскрешения, я дал зарок, что каждую свободную минуту буду вспоминать и сохранять всплывающие образы, записывая их в книгу, — чтобы освободить их и самому избавиться от душевного стеснения. Это избавление требует также упоминания множества имен, которые в интересах цельности повествования стоило бы пропустить. Но я и в этом несвободен: кто знает, может быть, воспоминание о каком-то имени в душе моей — это то последнее, что от него осталось в этом мире... и воспоминания очень различны. Среди них — ранние, до того, как мне исполнилось пять с половиной лет, до лета 1889 года; это — граница моих первых воспоминаний. Рамки места и времени не были с ними органично связаны. Эти «рамки» возникли раньше, а отдельные события и явления встраивались в них уже потом, не образуя друг с другом сколько-нибудь непрерывной связи. Однако начиная с лета 5649 (1889) года, с того дня, как я начал посещать хедер^[1], временная граница стала ясной и отчетливой. И, по-видимому, я могу рассказать связную историю своей жизни на протяжении всех этих лет, без лакун... И если здесь я записал лишь несколько отдельных

историй – то не потому, что я запомнил только их, а потому, что не хочу – да мне и неинтересно – рассказывать все, что я помню. Сначала я хотел описать ход моей жизни до отъезда из России (сиван 5681 (1921) года). Однако начав вспоминать годы Первой мировой войны и революции (1914–1921), я понял, что описание этих лет обязывает меня расширить повествование и упомянуть также о делах, непосредственно меня не касавшихся. Поэтому я решил, что будет правильно описать эти годы в отдельной книге («В дни войны и революции»), которая появится после этой.

И еще один момент. Кроме воспоминаний я использовал также письменные источники. С детства я привык вести дневник и хранить письма, полученные мною, а также копии отправленных писем. И многие из этих записей у меня сохранились. Время от времени, когда я буду использовать их, я буду помещать текст в кавычки, отмечая таким образом наличие письменного «источника».

В какой-то момент у меня даже была идея использовать эти письменные источники для того, чтобы составить хронику шестидесяти лет моей жизни: реконструировать подробную историю жизни человека, которому выпала судьба жить в эпоху перемен и который запечатлевал ход событий изо дня в день. Эта идея меня очаровала, но ее реализация потребовала бы чрезмерных усилий и времени, больших, нежели я мог себе позволить. И поэтому я использую простую форму мемуарного изложения: многое я раньше рассказывал устно

и только потом записывал. С данной точки зрения этот текст в какой-то степени представляет собой устное повествование, записанное на бумаге.

Считаю своим приятным долгом в предварение книги поблагодарить госпожу Далью Дан, которая записала часть текста, надиктованную мной, и с большой точностью и старательностью переписала всю книгу.

Бен-Цион Динур

Иерусалим, Кирьят-Моше, февраль 1958 г.

Книга первая В КРУГУ СЕМЬИ, В ШАТРАХ ТОРЫ

Глава 1. Первые воспоминания

Наш дом – с голубыми ставнями. Я стою у ворот, больших деревянных ворот. Они закрыты на длинный деревянный засов. В воротах – маленькая калитка, она сломана, болтается на петле и скрипит. Я поднимаю голову и вижу ставни – голубые ставни нашего дома. Не знаю, почему у меня вдруг становится так радостно на душе. Как будто бы я никогда раньше не замечал, что наши ставни голубого цвета. Стены дома – ярко-оранжевые. Наверное, наш дом только что покрасили заново? Вот крыша – она тоже темно-голубая. Я удивлен и долго разглядываю цвета, в которые покрашен дом. Это мое первое воспоминание.

Я шагаю по деревянной мостовой. Она ведет от дома к воротам. Я не знаю, почему я не тороплюсь, а шагаю еле-еле, это для меня неестественно, меня что-то обременяет, мне это тяжело, и поэтому я шагаю медленно-медленно, и это все тянется и тянется.

Я вспоминаю как будто сквозь туман – и вот я уже не на

улице, а в синагоге. Дедушка Авраам стоит возле *арон кодеша*^[21], нового, великолепного, как будто сделанного из сверкающего золота. Дед сутулый, с круглым лицом и белой бородой. Я стою возле него на скамейке и смотрю внутрь *арон кодеша*, заглядывая в дверцу. Между дверцей и стенкой я вижу маленькую полочку, на которой стоит маленькая бутылка, синяя-пресиняя. Это второе воспоминание.

Вот – наш большой двор. Он полон народу от края до края. Слева от ворот стоит деревянный дом, служащий гостиницей. Его крыша покрывает не только само здание, но тянется до склада, образуя коридор. Крыша опирается на три толстых деревянных столба, покрытых множеством трещин.

Я не слежу за толпой. Я стараюсь заглянуть в трещины столбов, а там – темнота и пыль. Никто не обращает на меня внимания, никто за мной не надзирает, и я бегаю от столба к столбу. А толпа все растет. Это день похорон деда, воскресенье, 19 хешвана 5648 (1887) года. Это мое третье воспоминание.

Передо мной встает образ этого дома. Дома моего прадеда, деда отца, ребе Авраама Мадиевского. В его доме жил дядя Кальман и его семья. За домом – ступеньки, по ним надо подняться и по деревянному коридору пройти в дом. После чего идти направо, по второму коридору, представляющему собой часть дома. Из коридора снова свернуть направо – в основную часть дома. В ней четыре комнаты. Первая комната – большая – это столовая дяди Кальмана, тети Та-

мары и их дочери Шейны-Рохл. Дядя Кальман – старший сын прадеда, дядя отца. После смерти деда он выполнял функции казенного раввина^[3] нашего города. Но на самом деле был лишь заместителем казенного раввина. Казенным раввином был его младший брат, р. Муся (р. Элиэзер-Моше) Мадиевский, который был одновременно духовным^[4] и казенным раввином, как и дед.

Слева – спальня дяди и тети. Дальше – еще одна комната, дедушкина. После его смерти там никто не жил, и она служила комнатой для гостей. Стены в этой комнате были покрыты яркими обоями. Вдоль стен – книжные шкафы, а между ними – большие часы с тяжелыми гириями в специальном шкафчике – «часовом шкафчике», который был закрыт и открывался только если надо было «подтянуть» гири. Я помню, что этот шкафчик закрыли из-за меня: я любил залезать в него и играть с гириями и как-то раз чуть не сбросил его со стены. На стене висели две картины – портрет Моше Монтефиоре^[5] и портрет деда с медалью на груди. Занавески в комнате были кружевные, нежно-апельсинового цвета.

Дальше находилась спальня бабушки и дедушки. Вход туда был строго запрещен. В библиотеку тоже было запрещено входить, но не так строго.

Во второй части дома – три комнаты: большая кухня с деревянным полом и две маленькие комнаты без пола. Каждую неделю перед субботой их мажут цветной глиной. В этих маленьких комнатах мы и живем. Возле входа в кухню все-

гда стоят ряды кувшинов, полных простокваши и сметаны. Я прославился тем, что каждый раз, входя в кухню, задевал один из кувшинов и разбивал его. Может быть, потому, что меня всегда предупреждали этого не делать, и я старался быть осторожным?

Результатом этой предосторожности всегда был разбитый кувшин... И его надо было скрыть от бабушки Бейлы. В старости она ослепла, была педантична и гневлива. Но от нее всегда можно было спрятаться. Напротив наших окон стоял высокий дощатый забор. Каждая доска сверху имела вид треугольника. Между нашим домом и забором росло два дерева. Как только в «малом доме» слышался бабушкин голос, я выпрыгивал из окна и распластывался под деревом. Это место было самым любимым у меня и у всех детей – многочисленных правнуков прадедушки.

После смерти деда отношения между жителями «большого дома» и нами не были абсолютно гладкими. Дядя Кальман, чье лицо было гневным и серьезным, а взгляд наводил страх, был в сущности добрым человеком. Тетя Тамара, из семьи кременчугских Хазановых, тоже была доброй и тонкой натурой и страдала от придирчивости дяди. В один прекрасный день она исчезла. Как сквозь туман я вспоминаю: она будто бы выпрыгнула из окна и вернулась через два-три года. Рассказывали, что она заболела душевной болезнью, лежала в больнице и вернулась, когда выздоровела.

Дочь дяди и тети, напротив, была очень злая, и проявля-

лось это в том, что она щипалась. Перед входом в дом, в деревянном коридоре, стояла бочка с водой, и одним из самых больших моих удовольствий было залезть на стул, нагнуться над краем бочки, наклонить голову, уставиться в воду, посмотреть на свое отражение и строить разные гримасы. Но это удовольствие дорого мне стоило: Шейна-Рохл следила за мной, и когда видела, что я погрузился в эту игру, внезапно щипала меня, стараясь изо всех сил, чтобы щипок оставил след.

Как уже было сказано, отношения между двумя частями дома не были гармоничными. Это было связано с историей семьи моего отца.

Его отец, р. Цви-Яков Динабург, уроженец Нежина, умер 28 лет от роду, в 5622 (1862) году. Семья была знаменита своими учеными и раввинами. Его дед, р. Хаим-Йехуда Лейб, был раввином в городе Ромны Полтавской губернии, а после его смерти этот пост унаследовал его сын Шнеур-Залман. Долгие годы он был раввином, а умер в городе Гадяче Полтавской губернии. Его могила была рядом с могилой р. Шнеура-Залмана из Ляд^[6].

В доме моего дяди, брата отца, р. Лейба, я видел «родословное дерево» нашей семьи, доходящее до XVII века, и в нем были обозначены 12 поколений. Дед был человеком небывалых достоинств, но, по-видимому, обладал нелегким характером. О нем рассказывали, что он был вспыльчив. У него была большая и очень хорошая библиотека. После него

осталось много рукописей, среди которых я нашел сочинение по математике и рукопись под названием «То, что я нашел в книгах о том человеке и обо всем, что к нему относится», в которой он собрал все, что писали в раввинистической литературе о жизни Иисуса. Его работы полны примечаний – он вносил постоянно изменения в редакции своих сочинений. Он советовался с ребе Менахемом-Мендлом из Любавичей^[7] (которого еще называли «Цемах Цедек»^[8]) и с его сыном, ребе Борухом-Шоломом^[9] из Лужан. С последним он активно переписывался и был, по-видимому, очень дружен.

В годы Первой мировой войны мой дядя передал все письма (среди них и письма Элиэзера-Цви Цвейфеля^[10]) в архив Еврейского историко-этнографического общества^[11] в Петербурге. Как уже было сказано, мой дед умер в 5622 (1862) году. Он был раввином в городе Хороле^[12]. После него осталось четверо сирот: трое сыновей (мой отец, благословенна его память, был средним) и старшая дочь. Кроме того, он оставил, по-видимому, неплохое состояние: большой дом и большую библиотеку. Детей разделили между родственниками, там они и воспитывались. Отец мой воспитывался в доме своего деда с материнской стороны, ребе Авраама Мадиевского. Дедушкины книги поделила между собой младшая родня Авраама Мадиевского – р. Шнеур-Залман Гельфанд, раввин из города Зенькова Полтавской губернии, и р. Пинхас Островский из Ромен, хасид, ученый и просветитель, который не хотел становиться раввином. Каждый раз, когда я

навещал родственников и видел там книги, в которых узнавал почерк моего прадеда, меня посещало странное чувство, что эти книги на самом деле принадлежат мне... Не раз я пытался заявлять об этом и просить, чтобы мне вернули хотя бы несколько книг. Книг были тысячи, а у нас в доме и у брата моего отца было только несколько сотен дедовских книг.

Прадед, ребе Авраам, оставил, согласно преданиям, завещание, по которому дом и двор, в котором он жил, должны были по частям перейти под наше управление в качестве компенсации за имущество отца моего отца, которое перешло к нему. Но это завещание не было опубликовано. Мама утверждала, что дядя Кальман и другие утаили его под предлогом, что оно не было подписано, несмотря на то, что дед, ребе Авраам, открыто выразил свою волю перед мамой, папой и всей семьей. Он сказал: «Их часть дома да не будет урезана». Это не нашло своего выражения: папа запрещал нам говорить об этой истории. Но отношения на этом фоне долгое время оставались напряженными.

Мой родной город-*Хорал*, и жизнь прадеда была связана с этими местами: отец его зятя, р. Моше из Гадяча, были родстве с семьей р. Шнеура-Залмана из Ляд. Я слышал, что он также был компаньоном по коммерческим делам р. Бера (Шнеерсона)^[13], Среднего *адмора*^[14]. Отец его был из Жлобина, находившегося по соседству с Бобруйском, но в дни бегства от наполеоновской армии семья переехала в Полтавскую губернию. Перед тем как получить пост раввина в *Хо-*

рале, ребе Авраам Мадиевский был раввином в Полтаве. Все были удивлены тем, что он оставил большой город (Полтава была губернским городом) ради поста раввина в небольшом областном городишке. Я уверен, что этот поступок был связан с общественной деятельностью моего прадеда.

Ребе Авраам был хасидом любавичского ребе Мендла («Цемах Цедека»), а потом его сына Махараша (ребе Шмуэля)^[15], но при этом был просветителем и выделялся своими лингвистическими познаниями. Он прекрасно знал русский и немецкий, в его доме постоянно выписывали газеты и журналы на иврите «ха-Магид»^[16], «ха-Мелиц»^[17] и «ха-Цфира»^[18]. В 40-е и в начале 50-х годов он служил «ученым евреем»^[19] при генерал-губернаторе Кокошкине^[20] в Харькове и имел большое влияние на власти. В те дни, утверждала молва, в Полтавской, Харьковской и Черниговской губерниях 19 кислева^[21] было почти официальным праздником; под влиянием ребе Авраама Мадиевского все еврейские магазины в этот день были закрыты. В 1861 г. он стал членом раввинского совета. Его личный секретарь, ребе Исраэль-Исер Ланде^[22] из Полтавы, был хасидом. Этот секретарь оставил веру отцов, после чего передал множество бумаг деда властям. Говорили, что по его вине ребе Авраам вынужден был оставить Полтаву и «удалиться от власти». Рассказывали также, что этот Исраэль-Исер Ланде даже после отступничества строго соблюдал 19 кислева как праздник... Потом он вообще вернулся к вере отцов, свои книги завещал Национальной биб-

лиотеке, а его дочь выполнила волю отца. От имени «еврейской веры» Ланде выступал против политического сионизма и поддерживал тесные связи с организацией «ха-Лишка ха-Шхора» в Ковне, основанной Яаковом Липшицем. В нашем доме хранилось несколько интересных юношеских сочинений Израэля-Исера Ланде.

Город *Хорал* был маленьким городом. Согласно переписи 1897 года, в нем было 8000 жителей, четверть из них – евреи. Но в дедушкины времена евреев было меньше. Я помню, как число евреев в нашем городе возросло из-за увеличения сельскохозяйственного экспорта, так как сюда переехали люди, которые координировали экспорт сельскохозяйственной продукции в регионе – зерна, яиц и кур. Было много евреев, которым давали прозвища по названию продукции, которую они импортировали: «куриный», «яичный» и т. п. Немало было евреев, державших питейные дома. Когда мой дед поселился в *Хорале*, в городе жило около 200–250 семей. Прадед ребе Авраам был, по-видимому, сам довольно состоятельным человеком, так как содержал дома *даяна*^[23] для вынесения галахических решений^[24]. Сыновья его были людьми зажиточными, а зятья – либо раввинами, либо предпринимателями, купцами и управляющими.

Мой дядя, ребе Пинхас Островский из *Рамен* (он и его жена были убиты во время погрома 1905 года), был управляющим знаменитого князя Мещерского^[25]. Мой дядя, р. Йосеф-Хаим Мадиевский, был купцом и казенным раввином в

городе Гадяче Полтавской губернии. Младший сын р. Элизер-Моше Мадиевский унаследовал место своего отца, он был раввином в *Хорале*, а также казенным раввином, богатым купцом, набожным, властным и просвещенным человеком.

Хорал был типичным украинским уездным центром. В центре города были магазины, большинство из которых принадлежали евреям. Большинство еврейских домов также стояло вблизи центра города. В городе жили украинцы и русские. И мы, после того как вынуждены были покинуть дом деда, переехали из центра в один из домов на окраине.

Город *Хорал* стоит на двух реках. Одна называется *Хорал* и протекает в трех километрах от города. Вторая – Голубиха, относительно широкая, и через нее перекинут большой деревянный мост. Воду для питья жители города обычно черпали из источника (по-украински «крыница»). Я рассказываю об этом, так как две речки и источник часто были проблемой в составлении бракоразводных документов. Как известно, в разводном письме надо написать: «город, который находится на такой-то реке», и указать название водоема, который снабжает жителей города водой. Хасидские раввины избегали давать разводное письмо в *Хорале*, чтобы оно не было признано негодным, так как река *Хорал* была очень далеко от города. Однако один раз, когда через город провозили государственного преступника по этапу на каторгу в Сибирь, а за ним приехала его жена и попросила развода, рав-

вин и судья (мой дядя Элиэзер-Моше и ребе Шмуэль Гура-рье) решили, что в этом случае они должны дать разводное письмо, и я участвовал в раввинском суде, который должен был вынести постановление о разводном письме и его форме. То был единственный случай в моей жизни, когда я использовал свои полномочия раввина, имеющего право выносить галахические постановления. Это было летом 5662 (1902) года.

Община *Хорала* была, как уже говорилось, небольшой и относительно молодой. Я думаю, она образовалась в начале XIX века, не раньше. Но в хорольском округе и области были более старые общины. Каждое лето отец вместе с резником^[26], ребе Моше Каштаном, ездил по области собирать деньги из кружек Меира-чудотворца^[27] колеля^[28] Хабада^[29], а также деньги на содержание раввина^[30]. Отец, который знал о том, что я с детства интересовался историей, в мельчайших подробностях рассказывал мне о кладбище в местечке Драбова, о древних надгробьях времен Хмельницкого и более ранних эпох. В этом местечке, рассказывал отец, община существует уже 250, а то и 300 лет. Каждый раз, что он туда попадал, он был удручен видом древних надгробий и сожалел, что они разрушены или разрушаются.

Наша община не выделялась ни учеными, ни просветителями. Как я уже упоминал, город был центром сельскохозяйственного импорта. Большинство еврейского населения до 80-х годов было перемешано с христианским. Нередким

явлением была перемена веры.

Я помню, недалеко от нашего города была деревня Вишняки и возле местной церкви были могилы двух известных евреев, которые в старости переменили веру; один из них был зять раввина ребе Озера из Миргорода, известного в свое время раввина и хасида, который умер на месяц раньше моего деда ребе Авраама. Говорили, что он крестился, когда был глубоким стариком, за 70 лет.

Кроме нашей разветвленной семьи, к которой принадлежали семьи Мадиевских, Островских, Баткиных, Динабургов и Голдиновых, в городе насчитывалось еще несколько важных семейств. Об этих людях рассказывали много забавных историй. Я помню историю о старой женщине, которая, прежде чем покинуть этот мир, захотела исповедаться в грехах. Для этого она пригласила домой раввина и всех глав общины и объявила, что хочет признаться в дурных поступках перед лицом общества и общины. И сделала так: при всех собравшихся обратилась к своей подруге, уважаемой женщине, матери одного из наиболее видных семейств, и сказала ей: «Ты помнишь, когда мы были молодыми, мы проходили через Вишняки, и там был тот священник, который умел соблазнять души в христианскую веру? Он был очень красив и пригласил нас переночевать в его доме. Ты помнишь? Я не согласилась, а вот ты – согласилась!» Нечто подобное она сказала и одному уважаемому горожанину: «Ребе Элизер, ты помнишь, как когда-то, много лет назад, у тебя жил

коммивояжер, а потом он заболел и умер. А потом пришли его наследники и сказали, что у него большой капитал, помнишь? Ты клялся, что у него не было наличных денег и что ты их не трогал; и тебя оставили в покое! Помнишь? А потом ты построил себе особняк!» Так она ходила, перечисляла грехи городских жителей, рассказывала об их «прежней жизни» и раскрывала их «преступления»...

Городской раввин обладал большим авторитетом. Тем не менее имелась довольно большая прослойка людей, чьи взгляды были неудобными для неограниченной власти городского раввина, тем более, что он был казенным раввином и богатым торговцем. Однако сравнительно долгое время оппозиционеры не имели никакого влияния.

Все горожане принадлежали к хабадской ветви хасидизма. 19 кислева и 10 кислева^[31] отмечались праздники, вполне способные посоперничать с Пуримом^[32] и Симхат Торой^[33]. Противников хасидизма в городе почти не было. Как исключение, во времена моего детства был один меламед^[34], ребе Лейб Хадвин, которого называли «желтый меламед»; он был миснагедом^[35] и осмеливался подтрунивать над хасидами и праздником 19 кислева. Как-то раз он был за это жестоко наказан – так, что история даже дошла до суда.

Дело было так: в начале 1890-х, по-моему, в 5652 (1891) году, 19 кислева, будучи в приподнятом настроении, меламед околачивался среди хасидов, отпускал шуточки в адрес ребе и потешался над праздником, который празднуют

за честь освобождения Старого ребе. Воспитанники хасидской школы поймали его, сорвали с него одежду меламеда, спустили ему штаны и так отлупили его селедками, что он заболел. Меламед подал на них в суд и требовал компенсации. Суд обязал виновных выплатить ему 175 рублей – этой суммы ему хватило на то, чтобы выдать замуж трех дочерей, как раз достигших брачного возраста. С тех пор городские хасиды старались не пускать миснагдим на празднование 19 кислева. Про этот суд даже писали газеты (по-моему, газета «Восход»^[36]). С тех пор ребе Лейба-меламеда – Лейба Хадвина – называли не «желтый меламед», а «битый меламед».

Не помню, чтобы во времена моего детства в нашей общине было изобилие религиозных и культурных общественных организаций. Была одна синагога, а потом построили новую синагогу; еще была «богадельня»: приют для бродяг и нищих – дом, состоящий из трех маленьких комнатушек. Он стоял во дворе возле старой синагоги, которая когда-то, как мне рассказывали, принадлежала моему деду, а потом родственники продали ее общине. В том же дворе была «бойня для птицы».

Глава 2. Дом и семья

Я был вторым по счету сыном в семье. Со старшим братом у нас была разница в возрасте полтора года, с младшим – два года и два месяца.

Отец, как я уже рассказывал, воспитывался в доме деда. Он рос сиротой, его мать вышла замуж за другого человека. По натуре отец был молчалив, раздражителен и скрытен. Человеком он был обидчивым, но безобидным. Он старался казаться простодушным, свою подлинную сущность скрывая даже от самых близких.

Вот некоторые характерные для него черты. Обычно вечером сразу после ужина он ложился отдохнуть и спал примерно с восьми до десяти или с семи до девяти. Потом, когда мы уже все спали, он вставал, зажигал маленькую керосинку и садился за книги часов на шесть, до трех часов ночи, а иногда до пяти, а потом ложился спать еще на два часа. Как правило, он спал час или два после полудня, два часа после ужина и два часа ранним утром.

Книги, которые он изучал, были всегда одни и те же. Прежде всего: «Мидраш Раба»^[37] и «Ялкут Шимони»^[38]. Затем хасидские книги: «Толдот Яаков Йосеф»^[39] и книги Старого ребе – «Тания»^[40] и «Ликутей Тора»^[41]. Из книг Среднего ребе: «Биурей Зохар»^[42] и «Кунтрес ха-хитпаалут»^[43] с разъяснениями ребе Гилеля^[44] из Парича^[45], которую он знал

наизусть, вдоль и поперек. Каждый день он учил мишнай-от без комментариев и лишь иногда изучал «Тиферет Исраэль»^[46]. Он учил также и Талмуд^[47]. У него был маленький Талмуд, в котором были только комментарии Раши^[48]. Ночью ОН ПОСТОЯННО читал книгу «Зохар»^[49].

Он стремился ни о ком не говорить плохо. Более того, он упоминал о других людях лишь хорошее. Он испытывал неловкость, говоря в единственном числе про человека, с которым он на Вы. Поэтому он почти всегда использовал форму множественного числа, особенно если говорил про зна-тока Талмуда («они сказали»).

Помнится, как-то раз он пришел домой и сказал матери: мне сегодня было неловко оттого, что ты берешь молоко у неевреев. Мать удивилась и спросила:

– Откуда об этом узнали?

– Я рассказал.

– Почему ты решил рассказать об этом при всех? – пора-зилась мать.

– Просто в бейт-мидраше^[50] стали срамить Давида-учите-ля за то, что он берет молоко у *гаев*. Я встал и сказал: «Что вы от него хотите? Мы тоже у них молоко берем!»

Мама не отличалась излишней приверженностью к хаси-дизму. К тому же она скептически относилась к образу жиз-ни отца, который «ложится спать, когда все встают, и просы-пается, когда все давно спят». И многие другие жизненные принципы отца она считала неправильными.

Отец был гораздо более сведущ в Торе, нежели мне казалось. Он почти никогда не проверял мои знания, но после того как я сдал экзамен на раввина, он счел своим долгом задать мне несколько вопросов: похвалы моих экзаменаторов показались ему преувеличенными. И должен сказать, что его экзамен дался мне гораздо тяжелее, чем все экзамены, которые я когда-либо сдавал до этого. Однако он велел мне, чтобы я никому не рассказывал про то испытание, которому он меня подверг.

Мать была родом из Кременчуга. Ее отец, ребе Зеев-Вольф Эскинбайн, был известен в Кременчуге как ребе Велвл из Парича. Он преподавал Гемару^[51] старшим детям, сыновьям уважаемых и богатых людей, и был близким другом ребе Зеева Членова (отца д-ра Йехиэля Членова^[52]), который тоже был хасидом Хабада. Они жили в одном дворе.

В том дворе в 70-е годы жила целая когорта русских революционеров. Не знаю, как так вышло, но мать в юные годы прониклась духом молодых революционеров и потом рассказывала нам множество историй об этой компании, о причинах их ареста и об их самоотверженности. Мать была очень умной женщиной, замечательно умела рассказывать, и ее рассказы поражали наше детское воображение. Мы считали ее самой умной женщиной в городе. В дни революции 1905 года говорили, что если бы Наоми была чуть помоложе, она бы сама пошла на баррикады, и если революция будет продолжаться, то не исключено, что она туда и в самом деле

пойдет.

Мать обладала бунтарской натурой и не признавала свойственного отцу жертвенного отношения к несправедливости; она испытывала сложные чувства к родственникам отца, которые были богатыми и знатными, и считала, что их моральный облик не без изъяна.

Это напряжение, носившее характер более скрытый, нежели открытый, сильно влияло на нашу жизнь и на атмосферу в доме. Родственники считали своим долгом опекать детей, стремясь, чтобы каждый из нас стал незаурядной личностью. Особенно доставалось мне. Они говорили, что такова-де воля прадеда, ребе Авраама Мадиевского. Рассказывали, что примерно за неделю-две до его смерти у одного из его внуков была свадьба. Ребе велел позвать на свадьбу всю семью. Пришли сыновья и дочери, женихи и невесты, внуки и внучки, правнучки и правнуки. Их было больше, чем сыновей Израиля, пришедших в Египет. За праздничным столом прадед посадил меня к себе на колени, и я сидел на его коленях в течение всей трапезы. Родные даже начали ревновать. Тогда прадед поднялся посреди большого свадебного шатра, где собрались все члены семьи и жители города, постучал по столу и сказал: «Я специально держу Бен-Циана на коленях; я убежден, что он станет гордостью нашей семьи, попомните мое слово; вы несете ответственность за него, и я возлагаю на вас обязанность всегда заботиться о нем».

Я рассказываю об этом, потому что это завещание создало

мне в жизни много сложностей.

Сложность первая и самая серьезная: все родственники не просто считали себя вправе следить за мной, а даже как бы чувствовали себя обязанными. Каждый считал своим долгом давать мне советы, высказывать мнение о моем воспитании, читать мораль и попросту руководить мной. Этим занимались все мои родичи без исключения: и молодые, и старые... Я пытался протестовать. Но когда кто-нибудь из «воспитателей» обнаруживал во мне признаки неповиновения, он лишь удивлялся и говорил: «Что за писк и визг? Я лишь исполняю волю прадеда, ребе Авраама!»

Эта семейная опека больше всего задевала мою мать. Она обижалась на каждый совет, на каждое вмешательство, даже в тех случаях, когда эти советы бывали довольно разумными, а вмешательство служило для моего же блага. Но чаще всего ее обида была обоснованной.

Наше материальное положение было не на высоте, если сравнивать с финансовым состоянием всего семейства. Вся семья становилась богаче, а наш дом беднел день ото дня. Мой дядя был единственным человеком в городе, у которого был дом в два этажа. Это был самый высокий и красивый дом во всем городе; при нем имелся большой двор и сад. Правда, верхний этаж здания не был отделан изнутри и служил мне местом для игры с дядиными детьми. Возле дома был большой двор, а во дворе сад. У дяди была самая большая в городе платяная лавка. Другие мои родственники тоже бы-

ли состоятельными людьми: один был совладельцем маслобойни, другой работал в банке, третий – на большой мельнице, у четвертого было свое предприятие. Короче, были зажиточными людьми и жили небедно, что являло собой полную противоположность нашему образу жизни.

Отец долгое время работал агентом у своего старшего брата, который жил в Москве и занимался поставками промышленных товаров из Москвы на Украину. Но отец имел обыкновение продавать лавочникам товары в кредит, а мало кто из них возвращал кредиты. У нас дома хранились немые свидетели торговых «успехов» отца: неоплаченные векселя на имя крупнейших городских торговцев. Отец, который из принципа не желал идти к судье-гою, хранил коллекцию из этих векселей; если ему улыбалась удача, то должник «закрывал» долг, выплачивая ему 20–30 процентов своего долга, чтобы отец мог частично погасить долг своему брату. У него еще была лавка, в которой торговала обычно мама. После выселения евреев из Москвы в 1891 году^[53] мой дядя был вынужден покинуть Москву, и этот источник дохода прекратил свое существование. Лавка принадлежала христианину, и тот отдал ее в аренду другому еврею, который заплатил большую цену. В лавке был широкий ассортимент, и, чтобы сделать предприятие более надежным, отец разделил ее на две части, но доход, который приносили совокупно обе части, был меньше, чем доход от одной лавки. Так мы постепенно нищали. В конце концов отец занялся продажей книг

и лотерейных билетов; доход от всех этих предприятий был очень невелик.

Нас было восемь детей, целая орава, и в доме обычно царили радость и веселье. Большим утешением для отца было то, что он почти не платил за наше обучение. Наше имя со-служило нам добрую службу, учителя предлагали нам учиться бесплатно или почти бесплатно, потому что где бы мы с братом ни учились, туда сразу приходили самые лучшие ученики из состоятельных городских слоев.

Два случая врезались в мою память напоминанием о тех трудных днях. Первое воспоминание: это был тот день, когда отец разделил большую лавку на две маленьких, мне тогда было семь лет. Я пришел из хедера и увидел, что матери очень грустно. Я решил пожалеть ее и сказал:

«Чем хуже нам сейчас, тем лучше будет на том свете». Мать ответила шепотом, как бы говоря сама с собой: «Это все выдумали богачи, чтобы бедняки не подняли бунт».

Второй случай был во время праздника Шавуот^[54]. Я вспоминаю: мы в гостях у нашего дяди-раввина; я вижу, как мать выходит из комнаты со слезами на глазах. Как я потом узнал, нам тогда нужны были деньги взаймы, десять рублей, и мама дала тете Маше, дядиной жене, в залог свое жемчужное ожерелье. Перед праздником Шавуот та вернула матери ожерелье, хотя мать еще не успела заплатить долг. Но это жемчужное ожерелье было не мамино. «Мои жемчужины, – сказала мама, – были большие и красивые», – а жена дяди вернула ей

крохотную нитку жемчуга с мелкими жемчужинами. Когда же в Шавуот мы собрались в гостях у дяди, мама не удержалась и сказала ей: «Я не возьму это ожерелье, оно не мое». Дядина жена рассердилась и заявила: «Ты на меня наговариваешь и этим обижаешь меня!» В итоге мамино жемчужное ожерелье осталось у тети Маши, и к тому же отец потребовал, чтобы мать вернула ей еще и это крошечное ожерелье с мелким жемчугом: «Оно принадлежит кому-то другому, оно не твое...»

Наша пища была очень скудна, но мать отличалась изобретательностью: ей удавалось экономно вести хозяйство и готовить нам каждый раз новые деликатесы на завтрак из того, что было под рукой. Но больше всего нас восхищало ее умение сочетать постоянство и стабильность нашего меню с непрерывным его разнообразием, которое усиливало и без того недурной аппетит. Мать говорила, что здоровье детей зависит в большей мере не от собственно еды, а от того, насколько еда желанна. И потому она следила за нашим аппетитом. В будние дни, и уж тем более в субботы и в праздники, она творила нам субботнюю трапезу, на свой манер. Особенно важны для нас были вечер субботы после праздничной трапезы и субботние часы перед *хавдалой*^[55] – после предвечерней молитвы и перед появлением звезд. Субботними вечерами, после того как убирали стол после праздничной трапезы, мы все собирались возле матери, сидели вокруг, и она рассказывала сказки. Отец тоже сидел рядом, глядел в

книгу – чаще всего это были «Ялкут Шимони» или «Мидраш Раба» на недельную главу^[56] – и тоже слушал. Мамины сказки и притчи глубоко запечатлелись в наших душах на всю жизнь. На исходе субботы, когда наступали сумерки и мы глядели вверх, пытаясь различить загоревшиеся на небе три звезды, мать обыкновенно сидела возле окна, молясь вполголоса, и каждое слово выходило из ее уст нежно и печально: «Бог мой, Бог Авраама, Ицхака и Якова...» Мать просила отца читать застольную молитву вслух, слово в слово, чтобы учить детей этой молитве. Но отец противился и говорил, что для того, чтобы все было как положено, каждый должен читать благословение самостоятельно... И мать жаловалась, что отец, видимо, не следит за воспитанием детей, а заботится только о собственной праведности, но скрывает ее от окружающих, даже от собственных детей.

Глава 3. Меламеды и учителя

Первым моим меламедом был старый ребе Эли Богорад. Этот меламед был еще учителем отца, и у него были превосходные педагогические способности. Он никогда не делал замечания ученикам и завоевывал их любовь своим необычайным дружелюбием. Каждому из нас он обещал подарить что-то удивительное: «дойного козлика», «летние санки» и другие, не менее странные вещи. Нас было в хедере двенадцать детей. Он учил нас по такой системе: трое на трое, двое на двое и один на один. После того как он давал ребенку какое-нибудь задание, требующее размышлений, он посылал его во двор играть. Дом ребе стоял на пригорке, покрытом травой, а поодаль высилось раскидистое дерево. Нам разрешалось тихо играть, не поднимая шума, лежать на траве и сидеть под деревом. Ребе выходил к нам время от времени – посмотреть, все ли идет как следует. Часы учебы в хедере были самыми приятными часами. И эти часы, проведенные на пригорке, стали для меня первыми часами раздумий наедине с самим собой. Но одна вещь заставила меня задуматься всерьез.

Память услужливо воскрешает и воссоздает передо мной образы моих друзей детства, различные их хитрости и забавы. Среди прочих забав была и такая: закрыть правый глаз и глядеть левым, а потом – закрыть левый глаз и глядеть пра-

вым. Я же, когда закрывал правый глаз, все прекрасно видел левым глазом; когда же я закрывал левый глаз, то правым не видел ничего. Дети говорили мне: «Ты косой, ты ничего не видишь, а когда ты смотришь – у тебя глаза повернуты не в ту сторону!» Это обстоятельство заставило меня задать себе вопрос: «Значит, глаза не всегда одинаковы? И не все люди одинаковы?» В тот день я впервые задумался о человеке, о его облике и судьбе. Придя домой, я обрушился на родных с вопросами, возникшими в итоге этих непростых размышлений. Мама сказала: «Это хорошо, что ты косишь и не видишь правым глазом». Я спросил: «Что в этом хорошего?» Мама ответила: «Благодаря этому мы тебя нашли». И рассказала мне очень интересную историю, которая произвела на меня большое впечатление. «Когда тебе было полтора года, мы поехали в Кременчуг на свадьбу тети Рейзл (маминой младшей сестры), начался пожар и в возникшей суматохе тебя украли. Только через два дня тебя нашли – под Кременчугом, в деревне около поселка Крюкова, с другой стороны Днепра, у одной крестьянки». Я спросил: «А откуда вы узнали, что я – это я? Вдруг меня подменили?!» Мама с папой засмеялись и сказали: «Мы тебя сразу узнали, как только увидели самую главную примету-твой правый глаз». Папа замолчал и улыбнулся и только в конце разговора обернулся ко мне и сказал: «Сынок, я благословляю тебя, чтобы ты всегда желал быть самим собой. Человек может измениться сам гораздо сильнее, чем под влиянием других людей».

У меламеда ребе Эли я учился читать и писать и начал учить Пятикнижие^[57]. У него я учился целый год, лето 5649 (1889) года и зиму 5650 (1890) года.

А на следующий год мой дядя раввин провел широкую реформу образования в своем городе. Он объединил большинство хедеров, устроил общую кассу для всех меламедов и создал специальный комитет. Этот комитет разместился в одном из самых красивых домов города, с большим садом, и туда пригласили новых меламедов и учителей. Ввели новую систему обучения и стали заниматься по учебнику Шнайдера, который назывался «Школа»^[58]. Это была самая важная часть реформы. Мы теперь называли учителей не «ребе Шимон», а «господин ребе Шимон», «господин ребе Моше», «господин ребе Нахум». Еще учили грамматику и русский язык. А еще там были линейки: учеников уже не порол плеткой, а били линейкой по пальцам... В Лаг ба-Омер^[59] устраивали праздничный вечер и организовывали длительные прогулки в город и к источнику. В этом хедере у меня впервые проснулся интерес к хроникам поколений, и я приобрел в городе некоторую известность, которая, помимо всего прочего, причинила мне немалые неприятности.

Объединенные хедеры просуществовали в новом здании только полтора года, еще один год они располагались в доме поменьше. Новая система образования вызвала интерес еврейских газет, выходивших на идише и на русском языке; кроме того, реформа упоминалась также в одной из ста-

тей третьей книги сборника «Ган прахим»^[60] («Сад цветов»), там про нее писал один из учителей-меламедов тех самых объединенных хедеров, ребе Моше-Давид Аснер. Когда по прошествии многих лет я читал эту статью, мне показалось, что ребе Моше-Давид Аснер, бывший одной из центральных фигур реформы, все же не сумел в полной мере оценить ее осмысленность и смелость.

Ребе Маше-Давида Аснера я запомнил особенно хорошо. Я учил с ним Тору и ранних пророков^[61]. Он никогда не повышал на нас голос, разговаривал спокойно, задавал вопросы по каждой главе, вопросы на понимание слов и на понимание смысла прочитанного. Он требовал, чтобы мы писали ответы на вопросы, и в наших ответах мы должны были вкратце излагать содержание главы.

Из всей учебы мне больше всего нравилось изучение Та-наха^[62], что только добавляло мне популярности в городе. Как я уже говорил, мои родственники видели свою задачу в том, чтобы меня опекать, и все они считали своим почетным долгом испытывать мои знания; мои ответы становились всем известны, отчасти потому, что у меня действительно была хорошая память и я быстро схватывал материал, а отчасти из-за того, что благодаря постоянным вопросам у меня быстро развивалось умение формулировать ответ, улучшалось внимание, и я начинал более усердно заниматься. Я помню, что когда я только начинал изучать Пятикнижие, кто-то – не то дядя, не то кто-то из кузенов – спро-

сил меня, сколько раз упоминается Эфрон^[63] в первой части главы «Хаей Сара»^[64]. Я ответил: четыре раза. Взяли книгу и нашли семь упоминаний. Я сказал: слово «Эфрон» упоминается только четыре раза, а три оставшиеся раза написано: «Эфрону» или «Эфрона». И действительно, так оно и было. Но, надо сказать, сейчас я уже не уверен в том, что когда я отвечал на этот вопрос, я действительно знал на него ответ, а не просто угадал...

Во время учебы у меня появлялись очень непростые вопросы по поводу хроники поколений. Как-то я даже накинулся на дядю с вопросами про сыновей Йоктана: в десятой главе «Брейшит»^[65] упоминается Шва – один из тринадцати сыновей Йоктана. Однако в той же главе, чуть выше, упоминаются Шва и Дедан, и они там – сыновья Раамы, сына Куша, одного из сыновей Хама, а в 25-й главе «Брейшит» Шва и Дедан – сыны Йоктана, одного из сыновей Авраама, которых родила ему К тура... После всех этих вопросов мне дали прозвище «Йоктан». Прозвал меня так один торговец, хасид Хабада, житель Кенигсберга – ребе Аба Персон. Он был другом нашей семьи, особенно дружил с дядей, и почти каждый год во время своих визитов в Россию приезжал его навестить (он, кажется, занимался экспортом селедки, что-то в этом роде). Я тоже дружил с ним, и еще много лет он присылал мне письма и праздничные открытки; письма он озаглавливал: «Моему маленькому другу».

Испытания моих знаний, когда каждый считал себя впра-

ве меня оценивать, рождали во мне протест, и нередко я отвечал довольно нахально. Так, я помню, что как-то раз нас пришла навестить бабушка Хана, папина мама, и обратилась ко мне с вопросом:

– Говорят, что у тебя хорошая память... а ты сможешь прочесть мне наизусть всю молитву «За грехи»^[66]?

Дело было в первой декаде месяца. Я ответил ей:

– Я еще ребенок, у меня нет грехов. Вот у вас, стариков, говорят, полно грехов – это вам нужно помнить грехи наизусть. А у меня еще есть время.

В другой раз в бейт-мидраше, между дневной и вечерней молитвой, ко мне обратился один из самых «видных» евреев города, ребе Моше Штейнхардт, очень зажиточный, неторопливый, но решительный господин, носивший роскошную длинную бороду. Он ущипнул меня за щеку и спросил:

– Какую главу читают на этой неделе?

– «Ваеце»^[67](«И вышел...»).

– «Ваеце» – это мужской род или женский?

– «Ваеце» – это глагол.

– Ага! Ты уже знаешь грамматику! И куда же вышел Яаков?

– В Харан.

– Кто там у него был?

– Дядя Лаван.

– А кем приходилась Рахель Яакову?

– Двоюродной сестрой.

– Так же, как Юдифь (Даша), твоя двоюродная сестра, – тебе?

– Да.

Тут он еще раз потрепал меня за щеку и спросил:

– А скажи мне, пожалуйста, вежливым ли является поведение Яакова? Вот он набрасывается на Рахель прямо на улице и целует ее! Ты бы повел так себя с Дашей?

Все вокруг начинают смеяться. Я отвечаю:

– Согласно комментарию Раши, Яакову было 64 года, как ребе Моше, а ребе Моше *мэг шойн киши*¹.

Я честно отвечал на вопрос, и у меня не было дурных намерений, и я даже не подозревал, что в идише это выражение имеет специфический смысл... Я уверял их, что имел в виду: «еврею в годах уже разрешено прикасаться к женщине», но никто не поверил, что мой ответ был наивен, и все решили, что он был дерзким. Так или иначе, это принесло определенную пользу: мне начали остерегаться задавать чересчур «умные» вопросы.

За свои успешные ответы я получал «зарплату», которую мне давали родственники: отчасти потому, что чувствовали, что все эти вопросы и публичное испытание моих знаний доставляют мне неприятные переживания, и поэтому хотели их как-то мне возместить; а отчасти это был знак уважения с их стороны, поскольку эти испытания были публичными. Половину «доходов» я передавал маме, а на вторую полови-

¹ Уже может поцеловать (идиш).

ну покупал себе книги.

Из моих меламедов я помню еще нескольких. С одним из них, ребе Авраамом из Орши, я учил трактат «Псахим»^[68]. Я помню, как мы учили сугию рабби Ханины Сган ха-коханим^[69] (Псахим 14:21), в которой разбирались темы ритуальной нечистоты: «основная нечистота», «вторичная нечистота», «нечистота *ирацим* (мертвых гадов)», «нечистота питья» и «нечистота мертвого», которая и есть «главный источник нечистоты», и все в таком духе. Эта тема не интересовала меня совершенно, но тем не менее во мне проснулся интерес к имени Ханины Сган ха-коханим. К тому моменту, а мне было восемь лет, я уже читал «Апокрифы», читал «Иосиппон»^[70] и даже «Иудейскую войну»^[71] в переводе Шульмана^[72]. Эти книги произвели на меня неизгладимое впечатление. Рабби Ханина Сган ха-коханим казался мне одним из тех, кто стоял во главе легионов, сражавшихся с римлянами. Во время урока я брал начальные буквы строк, складывал их цифровые значения и вычислял таким образом, сколько солдат было в легионах рабби Ханины Сган ха-коханим (я считал, что численное значение каждой буквы – это количество солдат в одном легионе); а последние буквы строк обозначали количество солдат в римских легионах. Нужно было посчитать буквы, потом сложить, вычесть и посмотреть, из каких букв получится большее число, потому что тот, у которого число больше, – победитель... Но при этом нельзя было также забывать и о том, что я нахожусь на уроке и мы

осваиваем новую тему. Учитель, по-видимому, обратил внимание на то, что я занят чем-то посторонним, и вдруг спросил меня: «Ну, и каков общий итог?» Я ответил ему: 832. Кажется, это был трактат «Псахим», 16-я страница. Ученики буквально взорвались радостным смехом, а учитель огрел меня пощечиной, одной из очень немногих пощечин, полученных мною в хедере.

Вторым учителем по Гемаре, значительно более строгим, был меламед Шауль Левертов. Я учил с ним трактат «Хулин»^[73], мне тогда было восемь с половиной лет. В то время к нему как раз приехал сын из йешивы^[74], по имени Файвл, и учитель отдал нас ему, чтобы мы с ним изучали Танах. Файвл учил нас книге Иова. Мы не любили ребе Шауля, который привык наказывать учеников и порол их, когда они чего-то не знали и даже когда они что-то знали. Чувствовалось, что он получает большое удовольствие от самого процесса наказания. Ему было очень досадно от того, что он никак не мог уличить меня в незнании и выпороть. Не знаю, была ли такая ситуация невозможна в принципе, но на практике у него руки были коротки до меня добраться; он изливал всю свою злобу на моего брата и порол его за нас двоих. Однако Файвла мы полюбили за то, что он доступно и понятно объяснял нам Иова и очень красиво, нараспев, читал главы Танаха. Позже до меня дошел слух, что Файвл покинул дом своего отца, стал выкрестом, и теперь он – тот самый известный миссионер Пауль Левертов^[75], который перевел на иврит

«Исповедь» Блаженного Августина^[76].

В одну из зим нас учил ребе Шмуэль-Гронем (Остерман, кажется), убежденный хасид, один из крупнейших знатоков хасидизма Хабада, человек молчаливый и решительный. Он часто гостил у нас дома. Помню, как-то раз мы ушли из дома, а он пришел и увидел, что дверь закрыта (дело было зимой). Тогда ребе Шмуэль-Гронем взломал ставни, открыл окно и залез внутрь дома... Он говорил: «Мое право – приходить, когда угодно. Я не мог зайти через дверь – пришлось через окно».

С первого взгляда он казался хладнокровным и флегматичным. Я встретил его через восемь лет, в Любавичах, он там был одним из столпов хасидизма. Темперамент его ничуть не изменился, но в Любавичах его рассказы про хасидизм мне понравились гораздо больше, чем то, как он преподавал Талмуд в доме моего отца.

Из учителей Талмуда сильнее всего на меня повлиял Хаим Шленский. Мне тогда было уже девять лет. Он преподавал нам трактат «Шаббат»^[77]. Мы учили весь трактат, комментарии Раши и комментарии к Талмуду. Он объяснял материал подробно и доходчиво. Будучи близоруким, он вплотную приближал лицо к Гемаре и буквально водил носом по строчкам. Но его объяснения были самыми точными, и он заставлял учеников (не исключено, что это было как-то связано с дефектом зрения) возвращаться к уроку, читать его перед всем классом, а потом объяснять. По сути, на уро-

ках Шленского я не столько учил трактат «Шаббат», сколько объяснял его своим соученикам в присутствии учителя. Мои познания в этом трактате были действительно превосходны. Меня проверяли «на иглу»: в одну из страниц втыкали иглу и я говорил, о чем написано в том месте, куда воткнулась игла, через десять и даже через двадцать страниц, и о чем повествуют все страницы, сквозь которые прошла игла.

Преподавать я начал в очень раннем возрасте. Еще в «объединенных хедерах», когда мне было семь лет, кто-то из богатых евреев попросил моего отца, чтобы я дружил с его сыном и каждый день учил с ним уроки. Я согласился и попросил, чтобы в конце года мне купили велосипед. Мне действительно купили велосипед, но трехколесный. Я плакал и не хотел брать его. Тогда взамен велосипеда мне купили ткань на костюм, но она была оранжевого цвета и мне не понравилась. Увы, я был вынужден взять ее и уже тогда познал, как горько быть учителем, которого не ценят.

Моя «известность» доставляла большое беспокойство моим родителям. Тому было несколько причин. Мама, которая сама находилась в оппозиции к семье, ощущала мою «популярность» как тактический маневр, призванный увеличить влияние семьи на меня. И действительно, меня пытались поселить у дяди не раз и не два! Один раз я даже переехал на два месяца в дом ребе Элизера-Моше Мадиевского, который заявил, что хочет женить меня на своей дочери Юдифи (Даше); однажды меня даже заставили во время обеда

«публично» ее поцеловать, и я сделал это, горько рыдая, под громкий смех всех членов семьи. Второй раз меня взяли в дом моего дяди, ребе Яакова Кальмана, казенного раввина, но мать считала, что когда ребенка публично хвалят, это его портит; не только из-за того, что можно сглазить, а просто потому, что это влияет на характер.

Как-то раз к нам в гости пришел дед, мамин отец, ребе Зеев-Вольф Эскинбайн; мама попросила, чтобы он тоже поспрашивал меня. Эта картина до сих пор стоит у меня перед глазами во всех подробностях: мать стоит у двери столовой, дед сидит подле меня, я сижу на высоком стуле, дед дает мне читать недельную главу с комментарием Раши, потом главу из Танаха, потом страницу из Гемары. И каждый раз задает вопросы... Тогда я впервые почувствовал, что такое настоящий экзамен. Не просто трудные вопросы, а самый что ни на есть экзамен, как ни посмотри... После экзамена дед позвал мать и сказал: «Он неплохой мальчик, у него светлая голова, но я боюсь, что ты права – избыток похвал испортит его, он склонен переоценивать себя, и когда он станет старше, эта склонность может еще усилиться. Так что будьте поосторожней».

В испытании моих знаний участвовали не только дяди и тети, а любые приходившие к нам родственники, даже сватья. Мой дядя, ребе Йосеф-Хаим Мадиевский, казенный раввин в Гадяче, каждый раз, когда приезжал в наш город, приходил к нам в гости (это был единственный дядя, кото-

рый приходил в наш дом) провести с нами время и поговорить с детьми. Из всех детей у меня с ним были самые теплые отношения, и даже подарки, которые он мне привозил (как правило, деньги), были всегда самые лучшие... Другой дядя, ребе Пинхас Островский из Рамен, обычно сам звал меня к себе. Он был высок и осанист. У него росли густые брови и широкая черная борода. Задавая вопрос, он глядел на меня взором, горящим яростью. Помнится, когда мы учили трактат «Шаббат» у ребе Шимона, один из учеников сказал что-то не то, и ребе посмотрел на него так, что у него в глазах засверкали молнии. Я тогда сказал сам себе: «У ребе Шимона взгляд в точности как у дяди Пини, который тоже может испепелить человека, лишь взглянув на него». Поэтому-то я в детстве всегда старался увильнуть от беседы с ним и от его вопросов, даже несмотря на то, что он выделялся среди всех моих дядьев умом, эрудицией и остроумием. У меня было ощущение, что он проверяет мои знания и задает вопросы не потому, что ему интересен ответ, а потому, что он не хочет выбиваться из общесемейной традиции и поэтому исполняет завет моего прадеда. Однако, когда я у него пару раз гостил подолгу, у нас с ним были очень длинные и интересные беседы.

В детстве мои знания испытывали и сватья моих дядьев: ребе Моше-Нахум Иерусалимский^[78] из Каменки (к концу жизни он стал раввином в польском городе Кельце), ребе Давид-Гирш Хен^[79] из Чернигова, ребе Хаим Чериквер из

Полтавы (сват моего дяди Пинхаса Островского) и многие, многие другие... Все они сходились в одном: во мне видны яркие задатки законченного «лентяя», но все же у меня есть шанс в будущем стать крупным знатоком Торы... Единственная польза от всех этих испытаний заключалась в том, что мои «учителя» очень тщательно следили за моей учебой. Один из них, сидя у нас в гостях за самоваром, на исходе субботы, как-то раз сказал: «Конечно, Бен-Цион умный мальчик, но, кроме того, с ним и занимались гораздо больше, чем с остальными. Вот он и почувствовал себя в центре внимания».

Глава 4. В доме дяди Кальмана

Как я уже сказал, семья стремилась дать мне особенное воспитание, предоставляя мне более благоприятные условия для учебы. Для этого как-то раз, когда мне было всего семь лет, во время Песаха^[80], мой дядя, ребе Элиэзер-Моше, и его зять, Давид-Йона Иерусалимский, сын ребе Моше-Нахума, взяли меня в свой дом и сказали, что с этого дня я буду жить у них и учиться вместе с сыном моего дяди, который был старше меня на три года.

Отец был как будто не против: дядина квартира была больше нашей, где было лишь две-три маленькие комнатенки. В доме ребе было десять комнат, просторных и светлых: столовая, две комнаты для гостей – большая и малая, библиотека, рабочий кабинет дяди, спальня и две детских комнаты – для мальчиков и для девочек; была даже специальная большая комната для прислуги.

Меня в этом доме привлекали многочисленные шкафы с книгами и занятия с дядей: дядя обучал меня таким книгам, которых я не учил раньше и о которых до того даже ничего не слышал. Прежде всего – предисловие Рамбама^[81] к комментариям на мишнайот. У дяди было определенное историческое чутье, к тому же он знал русский и немного немецкий. Он мне как-то рассказал, что на него оказали влияние книги Эрнеста Ренана^[82], которые он читал в русском пере-

воде. Он следил также за тем, чтобы я в дополнение к учебе в хедере учил каждый день отрывок из мишнайот, и еще – два отрывка из «Тиферет Исраэль» Исраэля Лифшица^[83]. Он говорил мне: 10 лет – это возраст Мишны^[84]; когда тебе исполнится 10 лет, ты должен будешь стать знатоком Мишны. Я спросил его: «А 15 лет – возраст Талмуда?» Он ответил: «Да, когда тебе будет 15 лет, ты должен будешь закончить весь Талмуд». И еще одна вещь привлекала меня в этом доме. В дядиной комнате валялось множество печатей с разными надписями – и печать с именем Элиэзера-Моше, сына ребе Авраама Мадиевского, печать, где только одно имя, без имени отца (ребе де-Хорол); печати с титулом и без титула и печати, где есть только имя и титул; печати с надписями на иврите и по-русски и печати с надписями только по-русски и только на иврите... И я из чисто спортивного интереса делал так: брал лист бумаги и ставил на него печати, одну за другой; это имело несколько смешной вид, но у меня не было намерения веселиться. Заходить в эту комнату было запрещено. Дядины сыновья удивлялись тому, что я нарушаю запрет, и пожаловались дяде. Листок попал в руки дяде, и он обратил внимание на комическую сторону ситуации, а может, его просто удивила моя наглость. Во всяком случае мне досталась увесистая пощечина за нарушение запрета. Я никогда не любил пощечины и поэтому немедленно покинул дом. Назавтра дядя пришел ко мне в класс (это было во время «объединенных хедеров») и сказал мне: «Что

было, то было». Он чуть ли не просил прощения и говорил: «Ты должен вернуться ко мне». Я ответил ему на глазах у всего класса: «Я не вернусь». Моя наглость настолько рассердила его, что он дал мне еще одну пощечину. Помню, каким счастливым я вернулся домой и как мы с братом стали плясать от радости, что мне удалось вернуться из «плена» в доме дяди. Мне было тяжело в дядином доме, особенно трудно было находиться рядом с тетей, которую мы прозвали «тетя Буся» в память того случая с жемчужными бусами; она была мне очень и очень неприятна.

Но на этом дело не закончилось. Через полгода, когда мы уехали из центра и перебрались на окраину города, мать с отцом решили, что я должен переселиться в дом дяди Кальмана. Атмосфера в этом доме была весьма благоприятна. Там было пять комнат, а кроме дяди и тети не было больше ни одного человека. Иногда там гостила старшая внучка, которая была старше меня на год или два, — мне она нравилась. Кста-ти говоря, она была красива, вежлива и умна, разговаривать с ней было интересно и приятно. Дядя и тетя относились ко мне очень хорошо. В доме было много книг, которые стояли в двух огромных шкафах, особенно там было много книг по истории: «Шевет Йехуда» («Скипетр Йехуды»)^[85], «Седер ха-дорот» («Хроника поколений»)^[86], «Цемах Давид» («Росток Давида»)^[87], «Шеерис Исроэль»^[88] и так далее. Кроме того, там лежали подшивки старых газет «ха-Мелиц», «ха-Кармель»^[89] и прочих изданий; эти газеты интересовали ме-

ня сильнее всего. К тому же там были календари. Еще мой прадед, ребе Авраам, скреплял подшивки этих календарей. Потом они достались его сыну, ребе Кальману, и он тоже каждый год добавлял в подшивку новый календарь. Там были календари примерно за 70 последних лет, и они отлично сохранились. Дед обычно записывал в календарь события, имеющие семейное или общее значение. Так, в одном и том же календаре было записано, что в один из дней у его дочери Ханы родился сын, которого называли Исраэль-Шнеур-Залман-Ицхак (это был мой отец), там же я нашел такую запись: «у моего внука Шнеура-Залмана родился сын, и его называли Бен-Цион». Мое внимание привлекали записи в календаре про самые разные события: от окончания Крымской войны и до событий русско-турецкой войны. Про наводнение (разлив Днепра) в Кременчуге там было написано, что в один из дней шел очень сильный дождь. Помнится, в одном из календарей, кажется, за 5637 (1877/78) год, было записано, что в какой-то из дней месяца сивана шел снег. Были записи про погромы 80-х годов^[90], про важные события, происходившие в жизни деда, про поездки в Петербург, в Москву, в Харьков и т. д. Это была живая хроника, и мне нравилось ее изучать. Дядя Кальман злился на меня и говорил: ну что ты снова учишь календари?! Думаешь, если выучишь наизусть все календари, то станешь большим ученым?!

Там же я осуществил свое первое историческое «исследование». Внимательно изучая книги, я пришел к выводу, что

можно с их помощью воссоздать хронику поколений от Адама до наших дней. Я купил тетрадь и на первом листе написал большими печатными буквами: Адам. Потом я записал имена десяти поколений, следующих после него. И снова написал печатными буквами: Ной. Потом я продолжил хронику поколений до Авраама. Потом я дополнил хронику, согласно книге Рут^[91], до царя Давида. Имя Боаза^[92] я снова написал большими буквами. Потом я записал имена всех иудейских царей до Ахазии^[93], а от Ахазии – еще десять поколений до Йехояхина^[94]. Отыскал в третьей главе «Первой Книги хроник»^[95] и добавил родословную Йехояхина и дописал еще десять поколений от Асира, сына Йехояхина, до семи сыновей Элиоэйна со странными именами. Я очень радовался тому, что число было «круглым»: от Адама до сыновей Элиоэйна было ровно шестьдесят поколений! Но при внимательном изучении «Книги хроник» всплыло одно серьезное затруднение. Выяснилось, что Зерубавель^[96] – не сын Шеалтиэля, а вовсе даже сын Педайи^[97]. Но почему в книге нигде не упоминается имя отца Педайи? Я обратился с этим вопросом к дяде Кальману. Он тут же углубился в книги и, просмотрев их, был полон разочарования. Но на следующее утро лицо его светилось радостью: нашел! И Радак^[98], и авторы «Мецудот»^[99] отмечают, что «сыновья сыновей – они как сыновья», так что тут нет противоречия! «Но, – спросил я, – почему ни разу не упоминается имя его отца?» С этим вопросом я пошел к дяде Элиэзеру-Моше.

Тот не затруднился с ответом: видимо, Педайя умер в молодости, и Зерубавель рос и воспитывался в доме деда и был назван в его честь...

Все эти обсуждения побудили меня продолжить «исследование». Я пользовался библиотекой дяди Кальмана, в которой было, как я уже говорил, множество исторических книг, расставленных по порядку поколений: ребе и ученик, ребе и ученик. Я решил действовать в том же порядке. Каково же было мое удивление, когда в «Сефер юхасин»^[100] я нашел список экзилархов, и среди них – имя Акува^[101]; я сразу решил, что это как раз один из семи сыновей Элиоэйна, потомок Асира, сына царя Йехояхина, – и написал его имя крупными печатными буквами. От него снова насчитал сорок экзилархов и вождей; поколение за поколением – до гаона р. Йехудая^[102], деда гаона р. Хая^[103]. И тут все стало понятно: от Йехудая до Рамбама – десять поколений, от Рамбама до р. Йосефа Каро^[104] – десять поколений, от р. Йосефа Каро и Ари^[105] (р. Ицхак Лурия) до Старого *адмора* – десять поколений и от Старого *адмора* до наших дней – пять поколений; я записал их имена на последнюю страницу тетради. Средний *адмор*, ребе Дов-Бер Шнеерсон, его зять и ученик Цемах Цедека, р. Мендл из Любавичей, затем дед, р. Цви-Яков Динабург, потом отец... И в самом конце я написал свое имя крупными буквами: Бенцион ха-Леви Динабург – сто тридцать пять поколений от сотворения мира и до сегодняшнего дня (11 нисана^[106] 5653 (1893) года, вторник – третий

день недели: тот день творения, когда Бог дважды увидел, что «это хорошо»). На отдельном листе я начертил «генеалогическое древо», на котором заняла свое место вся наша родня со стороны отца: семьи Динабургов, Мадиевских, Островских, Гельфандов, Голдиновых и Баткиных; а со стороны матери: семьи Эскинбайнов, Рафкиных, Шиферсонов и Каценельсонов. Мое «древо» было устроено так же, как древо, виденное мною в книгах р. Моше-Нахума Иерусалимского «Минхат Моше» («Приношение Моше») и «Лшад ха-ше-мен» («Елей»). В «генеалогическое древо» я включил дядь и тетя, которые, по моему мнению, были этого «достойны», а другие имена не включил.

Дядя и тетя вставали довольно поздно, и, чтобы моей «работе» никто не мешал, я старался вставать как можно раньше; я садился в гостиной на диване у окна, там была полная тишина, и чтение в эти часы доставляло мне большое удовольствие. Как-то раз, утром, когда мое «сочинение» было уже готово, в комнату неожиданно вошел дядя и увидел, как я что-то пишу в тетради. «Доброе утро, с каких это пор ты начал так рано вставать, пока все еще спят? Тебе не хватает времени в течение дня, и ты решил вставать до рассвета и трудиться! Покажи-ка мне, что ты пишешь?!» Его тяжелое дыхание стремительно коснулось меня, он взял тетрадь, заглянул туда, удивился тому, что в ней написано, и забрал ее с собой. Потом он передал ее р. Элизеру-Моше. Тот позвал меня к себе: «Так, значит, вот зачем ты сидел долгими но-

чами! Ты доказал великую вещь! Доказал, что наш род действительно идет от первого человека! Если б не ты, мы бы об этом даже не догадывались!!! И стоило ради этого столько трудиться?! Запомни правило – если человек что-то пишет, то он должен сказать этим нечто новое, то, чего еще никто не знает. А то, что ты написал, это все пустяки. Он, видите ли, доказал, что мы все – потомки Адама! Чепуха это все! Жалко на это времени!» Я с ним не спорил и смирился со своей участью, особенно после того, как он доказал, что моя «цепочка поколений» является обрывочной и неточной...

Как я уже говорил, я был единственным ребенком в доме у дяди, и довольно часто мне становилось скучно. Самым большим удовольствием для меня в ту зиму было сидеть возле дровяной печки, глядеть, как пылают поленья и как схватывается пламя, следить за удивительными цветами пламени. Особенно мне нравилось смотреть на голубой огонь, внутри которого пламя становилось белесым и почти прозрачным. Чтобы найти «голубой огонь», мне приходилось ворочать поленья кочергой, и от этого пламя вспыхивало еще сильнее. Как-то раз, когда я ворошил дрова, от раскаленного чурбачка отскочил пылающий уголек и попал мне в правую щеку... Два месяца я болел. Когда я вернулся в хедер, дети заметили – на моей правой щеке вырезан знак, похожий на крест. Дети спросили меня: «Как на тебе оказался крест, кто его нацарапал тебе на щеке?» Я стал рассказывать: «Как-то раз я шел из хедера домой, дорога шла мимо церкви,

началась страшная буря, ветер подхватил меня и понес все выше и выше, к золотому куполу церкви; порывом вихря меня бросило на самую макушку купола, и я поранился о крест щекой; больно не было, я даже ничего не почувствовал, но когда я как-то раз посмотрел на огонь – меня поразило огнем, и на щеке проявился крест». Эта фантастическая история породила ужас в сердцах учеников. Дети сказали мне: это плохой знак, тебе следует молиться, чтобы с тобой не случилось того, что случилось с Файвлом, сыном меламеда Шауля, который стал выкрестом. Я сразу пожалел о том, что придумал эту историю, но сделанного не воротишь.

Мои друзья были значительно старше меня и часто влияли на меня не лучшим образом. По вине одного из них я и покинул дядин дом.

Прадед р. Авраам любил собирать не только календари и старые газеты, но также и древние монеты. У него были монеты времен царя Ивана Васильевича (Ивана Грозного), Петра Великого и много разных других монет. Еще была большая коробка, в которой лежали иностранные монеты почти всех стран. На исходе субботы дядя и тетя очень любили выкладывать монеты на стол и учить меня по ним истории: показывать, как выглядели русские цари. Я рассказал об этом одному из моих друзей, которого звали Мотл, ему было 14 лет. Мне тогда только-только исполнилось 9. Он сказал мне, что у него тоже есть монеты, и предложил мне попросить у тети разрешения поменяться с ним монетами. Я уже расска-

зывал, что эта моя тетя была добросердечной и слабохарактерной; она даже довольно долго была душевнобольной. Я пришел к ней и, держа в руке несколько монет моего друга, изложил ей его просьбу. Она стала меня ругать, но тем не менее взяла монетки и сказала, что она должна проверить, есть ли у нее такие. Потом она дала мне несколько других монеток – и так началась торговля. Тетя умоляла меня, чтобы я никому не говорил об этом, и особенно дяде. Я дал ей торжественное обещание на *цицит* и поклялся страшной клятвой. Тем временем несколько монет деда оказались на рынке, и это стало известно. Дядя начал проверять коллекцию и обнаружил, что, действительно, нескольких монет не хватает, а вместо них имеются другие, менее ценные. Началось расследование, как исчезли монеты из коробки и откуда взялись монеты, которых не было раньше. Это было для меня очень тяжелое испытание, так как меня обвинили в том, что я взял монеты себе. Тетя сказала, что она знает, что я невиновен.

– Что??? Он невиновен?? Только три человека могли их взять: или я, или ты, или он. Он не брал, и я не брал, значит, ты взяла!

– Я не брала.

– А если так, почему ты просишь жалиться над ним?

Я заплакал и сказал:

– Тетя права.

– Она дала их тебе?

– Нет.

– Но монеты не умеют сами ходить!

И все-таки я выдержал испытание и ничего ему не рассказывал. С тех пор тетя звала меня «мой праведник», и ее чувство благодарности и любви ко мне не имело границ.

Спустя какое-то время тетя рассказала об этом моему отцу и сказала ему, что я спас ей жизнь, потому что она бы, конечно же, слегла от дядиного гнева. Вот что я сказал дяде: «Ты не веришь, что их взял не я, что я невиновен, хотя я клялся, что я их не брал, поэтому я не хочу оставаться здесь более ни минуты», – и ушел из его дома. Потом дядя приходил к нам и даже присылал тетю, чтобы она уговорила меня вернуться к ним, но я стоял на своем. Мой отец – единственный, кто знал всю правду, – проникся ко мне с тех пор уважением и как-то даже сказал мне: «Не используй во зло хороший поступок, который тебе довелось совершить, – не впадай в грех гордыни; ты не должен мечтать о том, что станешь большим праведником. Не стоит специально заботиться о том, чтобы стать праведником, это происходит само собой...»

Дяде в своей жизни довелось много поездить: он бывал на Волге, в Крыму, на Кавказе и в Персии. Я очень любил слушать его рассказы. У меня создавалось впечатление, что фантазии в его рассказах было больше, чем реальности, но мне было интересно слушать само повествование. Когда он начинал свой рассказ с фразы «это была истинная правда», я сразу понимал, сейчас он будет рассказывать захватывающие

небылицы.

У нас с дядей были очень хорошие дружеские отношения. Спустя несколько лет он сильно заболел; врач установил, что у него болезнь печени, и эта болезнь причиняет ему тяжелые и длительные боли, и нужно найти способ отвлечь его от этих болей. Мне тогда было уже шестнадцать лет, я как раз вернулся домой и пошел навестить его. Тетя попросила моего совета. Я сказал ей: «У дяди богатая фантазия, но он никогда не читал романы, поэтому возьми интересный роман на идише, длинный роман в нескольких томах, захватывающий роман с напряженным действием, и читай ему вслух, не торопясь: это поможет». Я искал, нашел и принес ей роман «Дер шумер бетлер»^[107] («Немой попрошайка») в семи томах. Она читала ему, и в день своей смерти, когда он почувствовал, что умирает, он сказал жене: «Тамара, читай быстрее, я хочу знать, чем там кончится!» Когда мне об этом рассказали – а я тогда уже был в Вильно (мне рассказал об этом двоюродный брат, приехавший меня навестить, и еще сказал, что даже врач оценил мой совет), – я почувствовал: как свежа была душа этого старого человека! Я много раз вспоминал этот случай, говоря о силе воображения.

Из воспоминаний того года – 5653-го – в моем сердце остался день Ту би-Шват^[108], который пришелся на среду, 20 января 1893 года. В тот день я первый раз пришел в окружной суд. Большое новое здание суда, роскошное и красивое, располагалось напротив дома дяди Кальмана. В этот день пе-

ред судом предстал мой старший дядя р. Элиэзер-Моше. Его привлекли к суду за то, что он дал шойхетам уезда право осуществлять от своего имени религиозные обряды: заключать браки, делать обрезание и тому подобные действия, которые в качестве казенного раввина он должен был выполнять сам, а не передавать полномочия кому-то другому. Дядя защищал себя сам; он говорил, что не может находиться одновременно сразу в нескольких местах и поэтому назначает своих представителей, потому что «посланец человека – как сам он». Сам же он несет ответственность за записи в метриках, которые ведет только он... Дядина семья была взбудоражена. После суда, на котором дядя полностью снял с себя всю вину, в доме дяди состоялась праздничная вечеринка, все пели и плясали, и дядя тоже плясал... со мной! Это было после того, как дядя произнес хасидскую проповедь на злобу дня и я ее повторил. Это была первая в моей жизни хасидская проповедь.

Глава 5. Дружья и развлечения

У нас с моим старшим братом было немало друзей – из самых разных городских сословий. Прежде всего, товарищи по хедеру, среди которых были наши самые верные друзья. Тот же Мотл, по милости которого я оказался замешан в «деле о старинных монетах», зимой всегда провожал нас до дома: мы учились до позднего вечера и возвращались домой, держа в руках зажженные фонари. Мотл был на голову выше нас всех, у него был самый большой фонарь и огромные сапоги; он шел впереди уверенным шагом. Слыша его громкий голос, мы успокаивались и чувствовали себя в безопасности, за это мы были ему благодарны. Еще у нас были «садовые» друзья: вместе с ними мы залезали в городские сады и обирали там вишни, груши, яблоки и персики – в зависимости от того, на какие фрукты был сезон. Особенно полюбился нам городской сад Синчуха – это был самый большой фруктовый сад в городе, в середине сада стоял колодец с вкусной и сладкой водой, вокруг – тенистая роща, а в ней – чудесная беседка; но сад сторожили собаки – нужно было заманивать их в другой конец сада и «запутывать следы». Мотл очень хорошо умел это делать. А были «субботние» друзья: мы собирались по субботам в доме одного из товарищей, и его родители угощали нас яблочным или хлебным квасом (а иногда даже квасом из принесенных нами фруктов), рассказы-

вали истории и читали вслух интересные книги. Начало этой замечательной традиции положил учитель по фамилии Донской (а звали его, кажется, Моше), преподававший сыновьям знатных богачей. Он был пожилой человек (еще в 60-е годы он писал статьи в файновский еженедельник «ха-Кармель»), эрудированный, образованный, вежливый, обходительный и с приятными манерами. Говаривали – и не без оснований, – что он был склонен «прикладываться к бутылке»: временами он запирался у себя в комнате и целыми днями «глушил горькую»; затем протрезвлялся, появлялся на людях, а потом все повторялось опять. Донской был одним из немногих в городе, кто близко общался с моим отцом. В дни запоев он иногда звал его и изливал душу. Донской публично называл отца ученым и скрытым праведником. Он откровенно восхищался им и, как мне кажется, во многом благодаря этому к нам тоже относился с симпатией. Обычно Донской звал на «Субботу благословения»^[109] всех своих учеников и еще нескольких умных ребят. Он читал им «художественную прозу»: отрывки из «Сада развлечений» Аарона Розенфельда^[110], «Сборник рассказов» Йехуды Розенберга^[111] и книги Кальмана Шульмана: «Суламифь», «Харэль», «Древние обычаи».

Эти сборища проводились летом в саду дома, где он жил, или в его комнате. Он угощал учеников яблочным квасом и фруктами – и сам приносил угощение. Родом он был не из нашего города, и мы не знали, есть ли у него семья. Жил он

один. К ученикам относился очень приветливо, и это помогало взаимному сближению хороших детей из разных городских слоев.

Еще один круг друзей был у нас «между дневной и вечерней молитвой». В нашем городе было две синагоги. Старая синагога – туда ходил отец; и новая – в ней молился мой дядя-раввин. В старой синагоге была «молитвенная комната» для будних дней, служащая для дневной и вечерней молитвы. Там приходилось стоять в тесноте, было неудобно. Поэтому мы, дети, по будням ходили на молитву в новую синагогу, здание которой было просторнее. Случалось, что взрослые читали «Эйн Яков»^[112] или учили мишнайот и у нас, малышей, была возможность заниматься своими делами. «Между дневной и вечерней молитвой» у нас было несколько хороших друзей; самый лучший – Кальман Рахлин. Он был старше меня на четыре года, но любил сидеть вместе со мной между молитвами и слушал мои рассказы про Эрец-Исраэль. У меня была особая «связь» с Эрец-Исраэль! Отец вместе с шойхетом р. Моше каждый год между 17 тамуза^[113] и 9 ава^[114] посещал все местечки нашей округи, собирая содержимое копилки р. Меира Баал ха-Неса («Чудотворца»), и посылал деньги габаям Эрец-Исраэль, отвечавшим за сбор пожертвований колеля Хабада. В нашем доме были отчеты из «Колеля», письма, книги и множество брошюр с описанием Эрец-Исраэль. В одной такой брошюре, под названием «Просите мира Иерусалиму» рассказывалось

о жизни в Эрец-Исраэль, о прожиточном минимуме, ну и давались советы по организации питания. Начитавшись брошюр и писем из Иерусалима, которые я нашел у дяди в ворохе старых газет, я составил меню для трехразового питания и увлеченно описывал друзьям рецепты «салатов» из оливок, апельсинов, винограда, капусты... и соленых огурцов. Когда я наконец оказался в Эрец-Исраэль, я много раз угощал своих знакомых «салатами» из моих детских фантазий; но, надо сказать, они не выказывали такого восторга, как мой друг детства Кальман Рахлин.

Был у нас и узкий круг настоящих друзей, с которыми мы были связаны крепкими узами. Среди них были сыновья шойхета р. Моше Каштана: Шалом был двумя годами старше меня, а Дудик (Давид) – на год младше; сыновья р. Лейба Краса, служки нового бейт-мидраша: Эли был старше года на два с небольшим, а Гиршель – на четыре-пять лет и поэтому стеснялся открыто общаться с нами, но на самом деле был нам очень хорошим другом. Мы общались и с другими детьми, которые были постарше. Им было важно чувствовать себя нашими помощниками, защитниками и «советчиками», но на самом деле они просто очень любили проводить с нами время. А были дети помладше, которые были готовы нам служить. Среди наших старших друзей были сыновья моего дяди-раввина; старший сын шойхета, Шауль, который учился в йешиве в Бобруйске и приезжал домой лишь изредка – он стал потом врачом и активистом Бунда^[115]; Ви-

ноградов – наш дальний родственник из Остаповки, сын богатых родителей, – он учился в реальном училище, но на каникулы приезжал в наш городок навестить бабушку – «тетю Соню», сестру р. Авраама, – и проводил время в нашей компании. Среди «мелких» выделялся Яни (Яков) Чернобыльский, славный парень, шустрый и с огоньком; он тоже ездил учиться в йешиву, пробовал свои силы в литературе (публиковал рассказы на русском языке) и в живописи, одно время был активистом сионистской социалистической партии (ССРП)^[116].

В городе строились казармы для двух батальонов армии. Строительная площадка расположилась прямо напротив нашей квартиры. Уже подготовлен был фундамент для двух крупных строений и собраны обожженные красные кирпичи для строительства. Мы собирались всей ватагой, делились на два «батальона» и воевали друг с другом. Наши друзья были офицерами, остальные дети – солдатами. Мы все находились под влиянием Первой и Второй книг Маккавеев – Гиршель Крае читал их нам каждую субботу в три часа пополудни на ступенях новой синагоги; после «победы» еврейского «батальона» решено было основать государство и сложить «свод государственных законов». Составить «свод законов» должны были трое: мой брат, я и Виноградов. Мой брат – у него был самый красивый почерк – записывал, я сочинял, а Виноградов формулировал. В один прекрасный день, в субботу после полудня, мы собрались у нас дома и пошли к вы-

сокому дубу, росшему за домом возле забора. Дети сели на землю, а мы с братом и с Виноградовым залезли на дерево и прочитали друзьям наши «законы». Они начинались с «Шма Исраэль!» и заканчивались словами: «Каждый помогает своему товарищу и говорит своему брату: «Крепись!» Покорствуя сказанному, поднялись все и провозгласили: «Крепись и укрепимся!» – а затем, опомнившись, стали веселиться и долго подшучивали над «тремя патриархами», забравшимися на дерево, и над нашими «законами».

Другой наш «план» получил более широкий отклик и имел успех. Весной 5653 (1893) года мы решили создать «каникулярную» школу. Рядом с домом дядюшки Кальмана, напротив здания окружного суда, стоял большой барак, где летом продавали газировку, квас и фрукты. Весной барак стоял пустой и открытый. Я предложил друзьям сделать этот барак постоянным местом наших встреч. Там Гишэль Крае будет прочитывать нам избранные места из «Апокрифов», «Иудейских войн» и из других книг; там Шалом Каштан будет читать нам интересные книги, взятые у отца; там мы будем играть и разговаривать – там у нас будет «собственный» дом (в те времена понятие «клуб» нам было еще незнакомо). Идея была поддержана, и «малыши», к которым примкнули мы с братом, стали обустройства «дом». Самым энергичным и деятельным организатором был Эли Крае, Яни Чернобыльский занялся художественным оформлением, а мы с Шаломом осуществляли наш план – обустроивали «библио-

теку». Все ученики приносили книги: Танах, Талмуд и книги для чтения. Каждый из нас должен был «преподавать» – повторять с учениками материал, который мы учили в хедере в течение зимы: с одним надо было повторять Тору, с другим – ранних пророков, с третьим – поздних пророков^[117], с четвертым – Писания^[118]. Так же разделялись Мишна и Талмуд, чистописание, грамматика и даже арифметика. Преподаванием чистописания занимался мой брат, арифметикой – Виноградов, Талмудом – Шалом Каштан, Танахом – я и мой брат. Хотя мы никогда не обсуждали, кто главный, но по сути «руководителем» был я. Я приходил первым, уходил последним и следил за порядком. Мало-помалу наша каникулярная школа приобрела известность. Комната была всегда до отказа наполнена детьми, между ними царил дух дружелюбия и взаимной поддержки. Каждый ученик брал книгу и повторял пройденный материал. «Учитель» подсаживался к нему, и они обсуждали прочитанное. Если он видел, что ученик недостаточно усвоил тему, то они заново разбирали весь материал. В определенные часы Гиршель, Шалом и я читали книги друзьям. Матери благословляли нас за «хорошее образование», которое получали дети на наших уроках и за «тишину в доме»; родители были довольны тем, что ученики увлечены занятиями, что было для них не слишком привычно. Говорили, что в «хедере» Бен-Циона во время каникул дети учились лучше, чем в остальное, «учебное» время. Но мне кажется, что благодаря Гиршелю Красу и Шалому Каш-

тану и особенно книгам, которые они приносили, я получал больше знаний, чем все остальные ученики. Гиршель приносил «Иудейские войны» в переводе Шульмана, «Основы земли», «Историю мудрецов Израиля» и «Историю мира» Кальмана Шульмана. А Шалом Каштан приносил «Израильские походы» Давида Гордона^[119] (перевод «Путешествия Биньямина Второго»^[120]), «Календарь торговцев» Ш.-Я. Абрамовича^[121], «Тахкемони» Йехуды Альхаризи^[122], напечатанный шрифтом Раши^[123], и «Историю столпов Хабада»^[124] Родкинзона. Мы торопились скорее прийти в нашу школу и задерживались там допоздна, глотали книги, которые открывали для нас мир и расширяли наши знания. Особенно сильно повлиял на меня Шалом. Я помню, как он с жаром объяснял мне, как важны книжные предисловия и послесловия, и доказывал, что предисловие Рамбама к Мишне не было написано на иврите, а его перевел аль-Харизи. В доказательство своих слов он принес мне «Тахкемони» и прочитал вместе со мной предисловие Рамбама к «Мишне Тора»^[125]. И мне показалось, что я понял книгу лучше, чем полтора года назад, когда я читал ее с дядей. Как я говорил, наша каникулярная школа оказалась удачной затеей, и родные твердили, что в преподавании я добьюсь больших успехов, чем в строительстве фабрик...

Примерно в это же время у нас с Дудиком возникла идея построить «фабрику по обжигу кирпичей», и это чуть не закончилось трагедией. В те дни, как я уже рассказывал, в на-

шем городе строились казармы для воинских частей. Стройка шла напротив нашего дома, и я проводил долгие часы, крутясь вокруг и наблюдая, как готовят яму для фундамента, перевозят материалы, месят глину для кирпичей, как ее потом заливают в формы, раскладывают кирпичи для просушки, а затем выкладывают рядами. После всех этих операций приезжают тележки, на них накладывают кирпичи и отправляют на обжиг. Через некоторое время тележки возвращаются с уже обожженными красными кирпичами, и их укладывают ряд к ряду. По соседству с нами стоял дом одного из членов семьи Родзянко (их родственник был председателем третьей и четвертой Государственной Думы^[126] – русского парламента)^[127], и старик Родзянко, «старый помещик», как его называли соседи, вместе со мной наблюдал за строительством. Маме казалось, что Родзянко смотрел не на стройплощадку, а сквозь нее, следя за каждым моим шагом. Одна из соседок тоже обратила внимание на то, что всякий раз, когда я выбегал поиграть возле стройки, выходил Родзянко, садился на стул и не спускал с меня глаз.

Кто знает? Может, он «колдун»? Кто там знает, что на уме у этого старого *гая*, еще сглазит, не дай Бог. Мама стала сама за ним наблюдать, а затем решила зайти к Родзянко и спросить его, почему он постоянно следит за мной. Родзянко принял ее очень любезно, принес стул, предложил сесть. На ее вопрос («Почему, господин, вы смотрите на ребенка и не спускаете с него глаз?») он ответил: «Мне инте-

ресно смотреть на него, потому что он играет долгие часы один; он – чуткий ребенок, ему не скучно играть в одиночку на строительной площадке, а еще он разговаривает сам с собой, беседует с камнями, всегда занят и строит планы! Я еще никогда не видел ребенка, который бы так хорошо умел играть сам с собой». Его ответ не только не успокоил маму, а напротив, напугал ее. Мне строго-настрого запретили играть там, посчитав, что мне угрожает большая опасность. Тогда я перенес свои игры и «наблюдения» в дом шойхетар. Моше и подключил к игре Дудика. Возле дома шойхетар тоже была стройка – строилась гимназия для девочек. Меня поразило, как много времени проходит между изготовлением кирпичей и их обжигом. Почему нельзя сделать так, чтобы кирпичи обжигали на месте, сразу после изготовления? Я решил, что «изобрел» хороший и удобный способ переносить кирпичи в печь прямо из форм. Дудик и его сестренка тоже увлеклись моим изобретением. Мы решили устроить фабрику по обжигу кирпичей на крыше дома шойхетар. Однако крыша была из соломы, и это таило в себе определенную опасность. Но мы приготовили тряпки – тушить огонь, если, не дай Бог, он вырвется из сделанной нами печи. Мы разложили формы, принесли глину, приготовили кирпичи – и прикрепили тонкую балку к форме так, чтобы выходящий кирпич падал прямо в печь. Почти все было уже готово, и вдруг... на крыше появилась жена шойхетар – низкорослая, близорукая, бледная и энергичная, с добрыми печальными

глазами и тонким писклявым голосом.

– Что это вы здесь делаете? Не могли другого места себе найти для игры, кроме как на крыше?

Путь с крыши был только один – лестница... Жена шойхета подошла к печи, а я ринулся к выходу, к лестнице; но не успел я спуститься, как раздался ее крик: «Ой-ве-вой! Этот бесенок чуть не поджег наш дом! Диверсант! Фабрикант кирпичей!» Она быстро спустилась с лестницы – и побежала за мной по улице, крича: «Фабрикант чуть меня не спалил!» После этого случая друзья дали мне прозвище «фабрикант обожженных кирпичей», наградив меня им в дополнение к остальным моим прозвищам, таким как «продавец старинных монет», «учитель в бараке» и «подрабинок на дереве».

Глава 6. Первые скитания (лето 5654 (1894) – зима 5655 (1895) года)

Когда мне исполнилось десять с половиной лет, семья решила, что мне пора ехать учиться в йешиву. В городе уже не было подходящих учителей для меня и моего брата, и было решено, что мы поедем в Кременчуг – там много йешив. Крупный город, недалеко от нашего городка, к тому же мама в нем родилась и у нее там родные: брат и дядя. Проблема же была вот в чем: кто повезет нас в Кременчуг? Всей семье было очевидно, что лучше всего будет, если нас повезет дядя Кальман. Его жена, тетя Тамара, сама из Кременчуга, к тому же богатые и известные братья Гурарье – ее племянники, и вообще у нее там много семейных и дружеских связей, а дядя Кальман – человек известный и уважаемый, и он устроит нас там гораздо лучше, чем это сможет сделать мама. Но мама воспротивилась такому предложению. Она настояла на том, что только она повезет нас туда. Так и вышло: в йешиву отвезла нас она.

Мы запаслись большим количеством рекомендательных писем. В Кременчуге мы расположились в доме маминого брата, дяди Маше-Давида. Он был крупным учителем Гемары. В те дни еще жива была бабушка Фрида, мамина мама,

она жила в том же городе. Мысль отправить маленьких детей в возрасте 10 и 12 лет в йешиву показалась маминой родне неразумной. Бабушка сказала: «Таких маленьких детей я бы никуда из дома не отпускала». Но мой старший брат, которому было уже почти 12 лет, тем же вечером, когда мы пошли в синагогу, решился показать рекомендательные письма городским раввинам: р. Якову-Исраэлю Явецу, «польскому ребе», и хабадскому раввину р. Ицхаку-Йоэлю Рафаиловичу^[128] – и поступил в йешиву. Его проэкзаменовали и приняли сразу в средний класс. Но меня не хотели принимать, несмотря на то даже, что я очень успешно сдал экзамен: ученики заявили, что если в их класс возьмут такого малыша, то они все уйдут из класса. И действительно, я был невысокого роста, мне было всего 10 лет, а выглядел совсем как маленький ребенок – лет семи-восьми, не больше. Ученикам же в этом классе было лет по 15–16. В итоге, конечно, решили, что мне надо учиться в младшем классе, а брату – в более старшем. Мне было очень обидно, и я с трудом смирился с этим.

Глава йешивы, преподававший в младшем классе, – его звали раби Мелех – встретил меня приветливо. В это время они учили трактат «Бава Кама»^[129], и я уже через неделю был лучшим учеником в классе (С он именно так и сказал). Но раб и Мелех слегка подсмеивался надо мной и говорил: «Ты хотел учиться у другого главы йешивы, у главы йешивы из Кейдан, но уж придется тебе немного поучиться у меня», –

и в течение всего урока он напоминал мне: «Ты хотел учиться у другого главы йешивы, но сперва поучишься у меня!» Намерения у него были самые лучшие, но эти подначивания очень меня огорчали, и через две недели я решил вернуться домой. Брат проводил меня на поезд, я на последние деньги купил детский билет за четверть цены (как я уже говорил, я выглядел совсем ребенком), по дороге я играл билетом и потерял его; я страшно перепугался, и вид мой был столь несчастен, что даже кондуктор пожалел меня, успокоил и уверил в том, что он хорошо помнит, что у меня был этот билет; так что я спокойно вернулся домой.

Мое возвращение домой оказалось нежеланным. После первых расспросов меня спросили, чему я учился и учился ли вообще. Я ответил: меня там экзаменовали! Это чтобы показать, что у меня была причина сбежать оттуда. За это время я успел начать самостоятельно учить еще один трактат, который не проходили в йешиве: трактат «Макот»^[130]. Всего за две недели я выучил десять страниц. Меня проверили на знание трактатов «Бава Кама» и «Макот» – и я их знал. На семейном совете было решено, что я буду учиться самостоятельно в бейт-мидраше, и меня будут учить городские шойхеты – р. Моше и р. Йоси, каждый будет обучать меня какому-то одному трактату. Кроме того, я начал учить самостоятельно еще один трактат, «Хулин», про меня даже стали говорить: «Хулин» он учит, «Шаббат» он повторяет, и «Макот» он знает...

Тем летом я впервые попробовал учиться самостоятельно. У меня было много учителей: с отцом мы в течение недели учили «Ялкут Шимони» на недельную главу. Трактат «Макот» я учил с шойхетом р. Йоси, он же проверял у меня тот материал, который я учил самостоятельно, и наставлял меня в этом самостоятельном обучении. Трактат «Хулин» я учил с шойхетом р. Моше. Кроме того, я каждый день учил главы мишнайт.

И из какой-то особой внутренней гордости я учил трактат «Таанит»^[131] и трактат «Мегила»^[132]. Кроме всего этого, я должен был каждую субботу утром приходить к дяде р. Элиэзеру Моше, и мы с ним вместе учили разные книги: предисловие Рамбама к комментариям мишнайт, главы Мишны с комментариями «Тиферет Исраэль», а как-то раз он даже попробовал читать со мной «Торат хесед»^[133] – книгу Шнеура-Залмана из Ляд, ставшего потом раввином в Люблине и в Иерусалиме, – но я ничего не понял...

В разделе «Моэд»^[134] я уже хорошо знал трактаты «Шаббат» и «Псахим» и задался целью завершить в этом году весь раздел «Моэд» – было понятно, что в конце лета будет экзамен, где мне придется соперничать с братом. Я очень усердствовал в своих занятиях, прикладывал все силы, и действительно, когда брат через несколько месяцев вернулся из йешивы, оказалось, что я выучил в три раза больше материала, чем он. Когда его проэкзаменовали – а он знал материал очень хорошо, – выяснилось, что я знаю еще лучше. Так я

оправдал свой побег.

Но эта история была только прелюдией к другому, более серьезному побегу. Я помнил то, что мне говорил дядя: «15 лет – возраст Талмуда, к 15-ти годам ты должен завершить изучение Талмуда». Опираясь на опыт этого лета, я решил, что смогу завершить изучение Талмуда всего за два с половиной года, остававшихся до бар-мицвы^[135]... Но для этого мне надо было покинуть дом. Я уже рассказывал про своего верного друга Эли, который был сыном служки нового бейт-мидраша; я воодушевил его своими рассказами, и мы договорились, что после праздника Симхат Тора, в послепраздничный день, скроемся и убежим в Гомель. Мы слышали, что в Гомеле есть большая йешива. Об этом мне рассказал сын шойхета, Шауль, и там есть бейт-мидраши, в которых много книг, и много учеников в йешиве, и горожане заботятся об учениках как следует – там можно уединиться и прилежно учить Тору. Я собрал белье и одежду, упаковал их, положил узелок с вещами на печь и в послепраздничный день решил пойти на вокзал, который был в четырех километрах от города, и уехать. Для этого мне нужно было немного денег, три рубля. Я вышел утром из дому и вот: мама стоит возле двери, и я не могу взять узел с вещами. Мое сердце наполнилось тревогой. Я поцеловал мезузу^[136] и пошел. Вдруг мама кричит мне:

– Почему ты вдруг поцеловал мезузу?

– А разве запрещено ее целовать? Наоборот, даже есть та-

кая заповедь.

Мама смотрит на меня и говорит:

– Но ты никогда этого не делал.

Я ответил:

– Хотя бы раз надо это сделать.

И ушел. Пошел к кузену и сказал ему, что отец просил одолжить для него три рубля. Кузен удивился: «Надо же, он здесь был только что и даже словом не обмолвился!» Я сказал: «Он меня утром попросил». Кузен немного поколебался и дал мне рубль. И вот мы выпили в путь. Шел дождь, было грязно. Мы выпили в девять, а добрались до вокзала в первом часу дня. Поезд уже стоял; мы поспешили зайти в него, но билетов у нас не было. Эли сказал: «Давай спрячемся под лавкой». Но после того, как мы проехали одну станцию, нас вытащили из-под лавки. Мой друг смеялся, а я плакал. Евреи сказали: «Что вы делаете, дети, куда вы едете?» Я молчал, я был как Биньямин Третий, а Эли был мой Сендерл-баба – он все объяснял и рассказывал. Евреи спросили: «У вас есть деньги?» Я сказал: «У нас есть рубль». Пассажиры засмеялись и договорились с кондуктором, чтобы мы могли доехать до Гомеля.

Было уже почти пять часов вечера, а мы ничего не ели с утра. На третьей остановке я вышел купить хлеба, а Эли пошел купить чаю. Пока я покупал хлеб, поезд тронулся. Я побежал и вскочил на подножку поезда уже практически на ходу. Кондуктор и пассажиры смеялись и шумели. А я успел

лишь чудом.

Когда мы подъезжали к Ромнам, я смотрел в окно и вдруг вижу: идет дядя Пинхас Островский, неторопливо так себе шагает. Я сразу понял, что мои послали ему телеграмму, и он отправился меня искать. Так как опыт уже научил меня тому, что из-под лавки могут вынуть и там спокойно не спрячешься, я залез на верхнюю полку и забился между тюков. Другу я сказал, чтобы он перешел в другой вагон. «Дядька с палкой» – так выразился один из пассажиров – расспрашивал пассажиров про «ребенка», и они сказали ему, что «ребенок» находится здесь. Тем временем зазвенел звонок, и дяде пришлось поторопиться выйти из поезда, пока он не тронулся, а мы продолжили поездку. Тот факт, что Пинхас Островский – мой дядя и что он сам пошел меня искать и говорил обо мне только хорошее, сразу повысил мой престиж в глазах пассажиров; и до самого нашего приезда в Гомель они относились к нам с «уважением» и дружеским участием.

На следующее утро, в 6 часов, мы приехали в Гомель. Это был четверг, 25 тишрея 5655 (1895) года; на улице было еще темно, шел первый снег. Жители Гомеля, которые ехали с нами в поезде, объяснили нам дорогу до бейт-мидраша у Конной площади, в котором находилась йешива. Мы пошли туда. По дороге нам встречались люди, которые торопились и не обращали на нас никакого внимания. Мы тоже никого ни о чем не спрашивали. Только когда мы уже почти подошли к самой площади, нам встретилась пожилая женщина; она за-

медлила шаг, оглядела нас с ног до головы и спросила приятным голосом: «Дети, куда вы идете в такой ранний час?» Эли, будучи более разговорчивым, ответил ей; она пришла в изумление, спросила, есть ли у нас родители, и проводила нас до бейт-мидраша.

Мы вошли. Бейт-мидраш был полон света и людей. Как раз заканчивалась «молитва ватикин»: в это время молятся все, кто потом спешит на работу. Наше появление повергло всех в изумление. было впечатление, будто нас ждали, – мы даже заподозрили, что один из пассажиров, ехавших с нами в поезде, житель Гомеля, который объяснял нам дорогу до «йешивы» и сказал нам, что живет в этом районе, поспешил в бейт-мидраш (он ехал на извозчике, а мы шли пешком) и рассказал про нас; рассказал отчасти серьезно, а отчасти с дружеской иронией. Как только мы вошли, нас окружили: «Откуда вы, дети? Чего вы хотите?» Когда мы рассказали, что мы из Хорала, все повскакивали со своих мест и поднялся шум. Когда мы объяснили, что пришли учиться в йешиве, стали смеяться. У меня сразу спросили:

– Ты Пятикнижие знаешь, мальчик?

– Знаю.

– Какая сейчас недельная глава?

Я ответил. Меня стали спрашивать по Пятикнижию и Раши.

– А ты и Танах учил?

– Учил.

– Ранних пророков?

– Да.

– А чем болел Аса^[137]? – спросил низкорослый рыжий еврей с резким голосом, и все засмеялись.

– Написано: «К старости стали у него болеть ноги».

– Хорошо! А почему он не позвал врача? – продолжал спрашивать рыжий еврей.

– Он звал врачей, но об этом не написано в «Мелахим»^[138], а написано в «Книге хроник»^[139].

– О, мальчик хорошо знает! Ты учил и «Книгу хроник»?

– Читал самостоятельно.

– Прекрасно. А Иова учил? – Да.

– А ты можешь описать дикого быка и левиафана^[140]?

– Это надо читать в «Хакдамот».

Веселье нарастает. Народ продолжает к нам стекаться. Стали укорять рыжего еврея. Подвели меня к главе йешивы, он стоял у передней стены, около *арон кодеша*, – еврей невысокого роста, с длинной бородой, с голубыми холодными глазами. Его глаза смотрели на меня испытующе, и я испугался. Он спросил, учил ли я Гемару.

– Да.

– Какие трактаты учил?

– «Шаббат», «Псахим», «Бава Мециа»^[141], «Хулин», «Макот», «Таанит».

Все опять начали смеяться.

– А раздел «Нашим»^[142] тоже учил?

– Главу из трактата «Недарим»!

– А «Брахот»^[143] учил?

– Только Мишну.

– Ты учил еще и Мишну?

– Всю Мишну.

– Все шесть разделов?

– Да.

– Сколько тебе лет?

– В Хануку^[144] будет одиннадцать.

– За один год ты выучил всю Мишну?

– 10 лет – возраст Мишны, меня учили так: в 10 лет нужно закончить изучение Мишны.

Часть людей столпились вокруг Эли, проверяют его знания и беседуют с ним. Вдруг один еврей отделяется от них, подходит к главе йешивы и шепчет ему что-то. Глава йешивы усмехается и говорит: «Ладно». Еврей говорит мне: «Твой друг сказал, что ты большой знаток тех книг, которые ты изучал, и знаешь текст «на иглу»! Мы проверим тебя, хорошо?»

Я промолчал.

– «Молчание – знак согласия», да? А где написана эта фраза? – спрашивает глава йешивы.

– В той части Гемары, которую я учил, нет этой фразы.

– Так, – говорит глава йешивы, – а «Бава Мециа» учил?

– Да, – отвечаю я, – однако в третьей главе трактата «Бава Мециа» (376) сказано: «молчание – как согласие», но не написано про «знак».

Снова начинается веселье. Требуют принести Гемару. Глава йешивы улыбается и говорит: «Все правильно! Полностью эта фраза приводится в трактате «Йевамот»^[145] (88а)». Начинают проверять меня на «палец».

Достают трактат «Шаббат», и один из проверяющих, худощавый еврей с большим кадыком, глядит на меня с высоты своего роста, кладет палец на одиннадцатый лист трактата «Шаббат», на фразе «Хорош пост против дурного сна, как огонь против вычесок льна», и спрашивает меня: «Что написано в этом же месте на двадцать первом листе?» Я отвечаю без запинки: «Сказал рабан Шимон бен Гамлиэль^[146]: в доме моего отца обвязывали фитилем орех и поджигали». Еврей смотрит в книгу: «Верно». И продолжает спрашивать: «Ну, а что написано в этом месте на тридцать первом листе?» Я немного колеблюсь и отвечаю: «Учили мудрецы: история про иноверца, который пришел к Шамаю^[147] и спросил: «Сколько Тор есть у вас?» Народ поражается: «Точно!» И вдруг я чувствую огромную жалость... к себе! Я хотел убежать из-под опеки семьи, многочисленных дядьев и кузенов, от их экзаменов и проверок – и вот я стою перед толпой чужих людей, которые меня мучают... И от этой жалости, несмотря на свои успешные ответы, я горько заплакал! К изумлению всех окруживших меня евреев и к тревоге моего друга Эли. Один еврей, высокий и статный, внешнестью немного похожий на моего дядю Пинхаса Островского – гневливое лицо, высокий лоб, черная борода, подерну-

тая сединой, и большие глаза, пронизательные и какие-то нездешние, – подошел к стоящим вокруг меня и тихим приятным голосом сказал: «Стыдно, правда стыдно, толпа евреев мучает маленького ребенка, который устал после долгой дороги, не ел и не пил – что вы от него хотите?»

Услышав эти слова, я еще сильнее зарыдал от жалости к себе. Тотчас общее внимание переключилось на моего друга, и они стали беседовать с ним.

Высокий еврей, «шойхет из Себежа», взял на себя бремя нашего обустройства. Эли выправили дневное пособие, а мне недельное. Друг потребовал для меня месячного пособия в течение двух лет... пока я не закончу Талмуд. По настоянию шойхета, который взял меня в свой дом на первые недели, мне дали недельное пособие до конца Хануки. Так что до поры до времени мы не беспокоились за наше будущее.

Благодаря тем слезам у меня появился верный друг – сын служки, глухонемой здоровяк. Он подошел ко мне, показал мне два пальца – один на левой руке, другой на правой, соединил их сначала один, а потом два раза – и зарычал! Мне объяснили: он тебе сообщает, что ты ему как брат и он будет тебя защищать! В самом деле, в течение полугода, проведенных мною в той йешиве, меня никто не смел даже пальцем тронуть, и друзья шутили: «Эли – староста Бен-Циана, а глухонемой – его телохранитель...»

И действительно, ночью, когда я поднимался на «би-

му»^[148] (стол был слишком высоким, но на стуле было удобно, и я устраивался на нем полусидя-полулежа) и начинал учить громким и звучным голосом, сын служки сидел на ступеньках, ведущих на «биму», и не давал никому подойти и помешать мне...

Шесть первых месяцев 5655 года – а точнее, девятнадцать недель – были не самыми счастливыми в моей жизни... По прошествии десяти дней, после того как дома получили мое письмо, в Гомель приехал мой кузен, Йосеф Динабург из Гадяча, привез мне одежду и белье из дому, оставил немного денег и дал мне зимнее пальто – теплое меховое пальто; его приезд не остался незамеченным. Мой дядя, р. Элиэзер-Моше Мадиевский, написал своему хорошему знакомому, р. Аарону Менухину (он был потом раввином в Клинцах), зятю одного из гомельских богачей – р. Лейба Менухина, который потом уехал в Палестину, и попросил его за мной присмотреть. Тот отправил за мной в йешиву посыльного и через него пригласил меня прийти. Он проверил мои знания и постановил, что я каждый месяц должен приходить к нему и отчитываться по поводу своей учебы, чтобы он мог оценить мои успехи. Он сам определял порядок моих занятий. Каждый раз, когда я приходил к нему, он сидел в своем рабочем кабинете на мягком стуле за столом, на котором лежали книги, рядом с ним были молодая жена и маленький ребенок: ну просто полное олицетворение «учености в богатстве и почете».

В йешиве учили трактат «Ктубот»^[149] – я учил его вместе с остальными учениками, но в более быстром темпе. Каждый день я учил один лист Гемары с добавлениями и комментариями. Кроме того, я самостоятельно учил трактат «Брахот», а также вернулся к изучению раздела «Моэд».

Глава йешивы, его кажется звали р. Ирмеяху, отчего-то меня невзлюбил. Я был для него «исключением из правил», «трудным орешком», требующим заботы, которую у него не было ни малейшего желания мне давать. Он мне не раз советовал попроситься в другую йешиву или другой бейт-мидраш: «Тебе не нужны друзья. У ребят, которые здесь учатся, ты не научишься тому, чему стоило бы» (это была правда). Ученики измывались надо мной за мое прилежание и за мою известность и старались поссорить меня с Эли. Они объясняли ему, что такому парню, как он, не пристало учиться каждый день со мной и прислуживать мне как ученик учителю. Каждый вечер после вечерней молитвы мы с Эли повторяли урок главы йешивы и готовили тему к следующему уроку. В конце концов ученики добились своего, и Эли стал причиной моей большой печали. И несмотря на то что потом мой друг раскаялся, та рана не заросла, и когда мы вернулись домой, мы раздружились окончательно. В ту зиму умерла жена «шойхета из Себежа», и он обо мне почти не заботился. Многие дни я попросту голодал. Всю зиму я спал на скамейке в маленькой комнатке при бейт-мидраше в йешиве, подушкой мне служил соломенный тюфяк, а одеялом – пальто,

над размерами которого «друзья» смеялись и говорили, что я могу в нем прятаться. Большие парни уговаривали меня продать пальто одному из них, которому оно подходило по размеру. И в этом они тоже добились своего. Я продал пальто за рубль и восемьдесят копеек!

Раввин Гомеля, р. Гирш-Бер Лоткер, позвал меня к себе и высказал свое особое «мнение»: мне нужно слушать его хасидские проповеди, а потом пересказывать ему их. Я приходил к нему раз или два, а потом перестал. Он тоже жил богато и обеспеченно, принимал меня учтиво и был во мне «заинтересован». Но вот что меня удивляло: почему все те, кто был во мне «заинтересован», ни разу не поинтересовались, каким подножным кормом я питаюсь... Еще одна близкая семья была у меня, семья Шифриных. Аарон Шифрин, шури́н моего дяди, Лейба Динабурга из Москвы; он тоже был изгнан из Москвы и задержался с семьей на два-три месяца в Гомеле. Его дочь Женя, моя ровесница, была необыкновенно красива. Они отыскиали меня и часто приходили взять меня к себе пообедать, поужинать и побеседовать несколько часов с р. Аароном, который был просветителем и ученым: он опубликовал книжку под названием «Отовсюду понемногу»^[150], вышедшую в Варшаве в 5653 (1893) году, и оставил множество рукописей, комментариев и примечаний к Талмуду. 10 адара 5655 (1895) года – ровно через 19 недель после нашего «побега» – мы вернулись домой. Я и мой друг Эли привезли с собой, как говорили шутники, разный «ба-

гаж»: Бен-Цион привез знание новых двухсот страниц Гемары (трактат «Ктубот» и трактат «Брахот»), а Эли – кожную болезнь, чесотку, которая пошла у него по всему телу...

Мама Эли упрекала мою маму за то, что я «подговорил» ее сына на «авантюру» и не «присматривал» за ним среди чужих людей. Моя мама на это отвечала, что я младше Эли почти на три года, но это как-то не принималось во внимание, и долгие годы его мама пеняла мне на то, что я не следил за Эли...

Глава 7. Скитания и учеба (Кременчуг и Корсунь, нисан 5655 (1895) – элул 5656 (1896) года)

Весной 5655 (1895) года, после Песаха, было решено, что я и мой старший брат (он был старше меня на полгода) снова поедem в Кременчуг на учебу и нам надо постараться, чтобы нас приняли в йешиву к «Великому»^[151], которая считалась очень серьезной йешивой и пользовалась уважением среди ученых города и окрестностей. «Великий», глава йешивы, нас проэкзаменовал, и мы были туда радушно приняты. Мы с братом учились там целый год. Весь тот год – от нисана 5655-го до нисана 5656-го – сохранился у меня в памяти как один из лучших в моей жизни. Самые приятные воспоминания у меня остались благодаря дому друга моего деда по матери – р. Яакова-Йоси Коропчинского, который дал мне возможность жить у него, выделил мне собственную комнату, и его домашние относились ко мне с большим дружелюбием и симпатией.

В доме р. Яакова-Йоси было много книг по хасидизму, сохранивших огромное количество историй из жизни цадиков. С тех пор я, пожалуй, нигде не встречал подобной коллекции книг; чтобы их почитать, я вставал чуть свет. Кроме хасидских историй там были и нравоучительные сочинения, их

я тоже читал, особенно предисловия и апробации раввинов; еще там было много старых сказок на идише. Я прочел там «Тысячу и одну ночь» (в переводе на идиш); у этой книги не было обложки, и я долгое время не знал даже, как она называлась. Только долгие годы спустя, прочитав эту книгу по-русски, я вспомнил тот потрепанный томик, где на 700 страницах было множество разных удивительных сказок. Но, как я уже говорил, меня больше интересовали хасидские истории и рассказы о цадиках. За короткое время я неплохо освоил все эти истории в различных версиях, стал различать имеющиеся противоречия и научился им не доверять. Почти все ученики в йешиве были миснагдим, и бейт-мидраш, в котором находилась йешива, – бейт-мидраш «Техилим» напротив большой синагоги, – был миснагедский. Господин Бамадас, крупный коммерсант, обеспечивавший нашу семью доходом, был одним из глав миснагдим (мой отец вел с ним дела – был по существу его агентом в нашем городке). Два его зятя – сын р. Рафаэля^[152] из Бобруйска, р. Яков Шапиро, который потом был главой йешивы в Воложине^[153], и сын р. Эли из Пружан (кажется, р. Аарон Файнштейн) – были одними из самых видных прихожан этого бейт-мидраша.

В бейт-мидраше у меня было постоянное место невдалеке от ребе Якова, который обычно сидел в уголке, погруженный в раздумья, перебирал руками свою черную кучерявую бороду, морщил лоб – и никого не замечал. Его глаза будто бы и смотрели на тебя, но чувствовалось, что он не видит

ничего вокруг... Я учил все тексты вслух^[154]. Как-то раз р. Яаков попросил меня подойти к нему; я подошел, и он сказал мне шепотом: судя по твоему напеву при изучении отрывка из Гемары (Бава Кама, 63: «общее-частное-общее»), похоже, что ты неверно его толкуешь. Я почувствовал себя обиженным – принес Гемару и объяснил этот отрывок. Ребе Яаков улыбнулся и сказал: «Хорошо, но зачем же ты учишь вслух, если твой голос не может выразить суть предмета?» – и попросил прощения за то, что подозревал меня, ибо не имел дурных намерений. И я на какое-то время перестал учить вслух. И снова позвал меня р. Яаков и сказал мне: погляди в трактат «Эйрувин»^[155] (54а), там, в Гемаре и у Раши, написано, как нужно учиться. Я поглядел и усвоил, что не следует учиться «бормоча или шепотом». Почти целый год я сидел рядом с ним, он часто видел меня в доме своего тестя – и только два раза говорил со мной, что, впрочем, лишь усиливало мое к нему уважение, так как имелись в нем черты человека, удаленного от мира, «хасида (праведника) на всех путях своих», о котором я читал в этических сочинениях и в Агаде^[156], и был он совершенно непохож на типичного хасида в привычном для меня хасидском окружении. Такое противоречие лишь усугубляло мое критическое отношение к историям о цадиках, которые я читал. Кроме того, мои друзья, особенно сыновья литовского раввина, миснагеда, своими разговорами обостряли во мне чувствительность к противоречиям, которые я находил в хасидских притчах; и надо

мною даже смеялись, говорили: вот человек, у которого возникают трудные вопросы после чтения сказок.

Каждую неделю, на исходе субботы, в доме собирались друзья хозяина и кое-какие родственники; все рассаживались вокруг стола, на котором стояли чашки с горячим чаем и большой, приятно пыхтевший самовар, и рассказывали истории про цади́ков. Моих познаний в области хасидских рассказов вполне хватало на то, чтобы каждый раз добавлять новые подробности из разных версий, с указанием источника; иногда про какую-нибудь из историй я позволял себе заметить, что ту же самую историю уже рассказывали о другом, более раннем цади́ке. Я старался, чтобы меня никто не заподозрил в том, что я не верю в эти истории. Меня предупредила об этом дочь хозяина, молодая мать, испытывавшая ко мне материнские и сестринские чувства. С того дня, как она увидела, что я встаю чуть свет и учусь по утрам, она тоже вставала рано, осторожно спускалась, тихо заходила ко мне в комнату, давала мне чашку горячего молока с булкой, ждала, когда я поем, брала чашку, мыла ее и возвращалась в свою кровать. Не говоря ни слова, она смотрела на меня своими красивыми печальными глазами, теплым взглядом, ободряющим и дружелюбным, который сохранился в моей памяти на долгие годы и стал для меня символом человеческой чистоты.

Но моей осторожности не хватило на то, чтобы скрыть недоверие к историям о цади́ках. Р. Яков-Йоси в какой-то

момент сказал мне, что рассказ теряет свою соль, если начинать в нем так подробно копать. Из него просто уходит вся жизнь. «Не только цадик живет своей верой, но и рассказ про цадика живет благодаря тому, что в него верят». В другой раз р. Яаков-Йоси сказал мне, что когда я выявляю противоречия и ставлю трудные вопросы – в этом нет ничего страшного, если дело касается нескольких последних поколений. Но отыскивать противоречия в рассказах о более ранних поколениях – об учениках Магида^[157], – значит заглянуть в сокровенное, и от этого можно повредиться в рассудке.

Тот год мне запомнился радостным еще и потому, что летом я много купался в Днепре. Мне с самого детства нравилась река, ее течение. Я часто бегал на Голубиху, маленькую речку, которая текла близ нашего городка, хотя купание в ней было сопряжено с немалыми трудностями и даже «жертвами». По дороге на речку нас часто подкарауливали христианские дети, они дразнили нас, срывали пуговицы с пиджаков и штанов, и мы, бывало, возвращались домой побитые, в изодранной одежде, в синяках и ссадинах. И даже несмотря на это, я был среди тех детей, кто частенько, раза два или три в неделю, отваживался ходить на Голубиху. Один раз я чуть не утонул: заплыл по шею, и меня утянуло течением на середину реки. Вытащил меня городской доктор, купавшийся неподалеку; он всыпал мне по первое число, отвез к матери и сказал ей, чтобы она не пускала меня на реку одного. Мои родные с тех пор строго следовали этому указанию.

И вот я в Кременчуге, и передо мною – широкий Днепр, по которому плывут бесчисленные корабли, лодки и плоты. Подобной реки я еще никогда не видел... Мне очень нравилось купаться в Днепре. В предзакатный час спускаться на берег Днепра, снимать одежду, складывать ее на песок и бежать в воду; подплывать к дрейфующим по реке плотам и двигаться от плота к плоту – расстояние небольшое, но река глубокая, и опасность мало-помалу наполняет сердце отвагой, – плыть прямо к середине реки и, отдохнув на последнем плоту, возвращаться назад тем же путем... Однако в то лето сие удовольствие несколько раз становилось для меня причиной большого огорчения: два раза на берегу украли мои новые ботинки, два раза потерялась шляпа, а один раз меня забило волной прямо под плот, и я с трудом выбрался оттуда живым. Особенно обидно было, когда у меня во второй раз украли ботинки: это были новые ботинки моего брата (мои украли раньше), и я упросил его дать их мне, чтобы я мог пойти на реку. Он сказал, что их, конечно, украдут, потому что они новые и хорошие, но я заупрямился... и вернулся домой босиком.

В йешиве мы учили трактат «Бава Кама». «Великий», глава йешивы, вел свой урок два раза в неделю, большей частью отвечая на вопросы приходивших к нему учеников. Он сидел возле *арон кодеша*, перед ним лежала раскрытая Гемара. Он не только отвечал на вопросы учеников, но и давал им советы, как лучше продвигаться в учении. И я безмерно

признателен ему за то, что он научил меня использовать Масорет ха-Шас^[158] и всегда смотреть параллельные места, потому что различные версии одного и того же пассажа имеют большое значение. Я помню, как через два дня после этого я обратился к нему с вопросом, который его удивил, и получил от него ответ, который удивил меня. Мы учили пятую главу трактата «Бава Кама» (50а). Я прочел в Барайте^[159]: «Вот что говорят мудрецы: «Однажды дочь Нехунии, «копателя колодцев», упала в глубокую яму с водой». *Масорет ха-Шас* дает ссылку на трактат «Йевамот» (1216). Я посмотрел. Нашел там текст: «Однажды дочь Нехунии, «копателя колодцев», упала в ту глубокую яму с водой». Я обратился к главе йешивы с вопросом: «Где была «та» глубокая яма с водой?» Он посмотрел на меня с изумлением и даже с некоторым беспокойством. И вот что он мне ответил, если вкратце: «Ты точен, все верно. Но это досужая точность, а не истинное учение и не истинное обучение! Все хроники поколений, все истории мудрецов и описания местностей относятся к Агаде, а тебе надо учить саму Гемару. Вот в чем задача!» Однако ни уроки «Великого», ни острота его анализа не произвели на меня никакого впечатления. Я абсолютно ничего из этого не запомнил. Мало того, я даже не запомнил его имени. Только продолговатое его лицо, молодое и нежное, и красивая раздвоенная светло-рыжая борода отпечатались в моей памяти. Кроме трактата «Бава Кама» я учил в тот год «для себя» еще один трактат- «Йома»^[160]. Но и это

не нравилось главе йешивы. Как-то раз он спросил меня в присутствии учеников:

– Кто из мудрецов сказал: «Не говорил ли я тебе, когда Рабби занимается одним трактатом, не спрашивайте его про другой трактат?»

– Р. Хия сказал это Раву^[161]. В трактате «Шаббат» (3б).

– Рабби все время занимался одним и тем же трактатом, а тебе недостаточно одного!

– Но р. Хия сказал только, что не надо спрашивать его про другой трактат, вот и я не хочу, чтобы меня экзаменовали по трактату «Йома» и вообще что-либо спрашивали на эту тему!

Ученики несколько удивились моей «дерзости», некоторым из них понравился мой ответ, других он разозлил. Дело было после Пурима, в 5656 (1896) году, 19 адара, в четвертый день чтения главы «Ваякхель»^[162].

Эта дата врезалась мне в память оттого, что в тот день, между *минхой*^[163] и *мааривом*^[164], в бейт-мидраше читали псалмы и молились о здоровье р. Ицхака-Эльханана^[165] из Ковно, который был при смерти. Я тоже читал псалмы, сосредоточенно и с большим чувством. Бейт-мидраш был полон народу. Магид^[166] бейт-мидраша, р. Биньямин-Меир из Суража, автор книги «Виноградник Биньямина»^[167] (комментарии к историям Рабы бар Бар-Ханы^[168]), управлял чтением псалмов. После чтения магид еще долго расхаживал по бейт-мидрашу, погруженный в свои мысли. Один из друзей

подошел ко мне и сказал нарочито громким шепотом, так, чтоб слышали многие: «Виноградник Биньямина» занят в эти дни, очень-очень занят, сначала он руководил чтением псалмов о выздоровлении р. Ицхака-Эльханана, а теперь готовит ему надгробное слово...»

И действительно, в первый день чтения главы «Пкудей»^[169], между *минхой* и *мааривом*, состоялась панихида. Речь магида произвела на всех большое впечатление. Поразила она и меня. До сих пор я слышу голос магида: «Вот исчисления скинии завета (Исх. 38:21) – каковы они? В час, когда Всевышний дал Тору народу Израиля, человек освободился из-под власти ангела смерти, ибо сказано: Тора, высеченная на скрижалях, дает освобождение от ангела смерти!» Магид доказал, что по сути мы сами повинны в смерти р. Ицхака-Эльханана и что в этот самый миг он спускается сюда, чтобы услышать, как оплакивают его в Доме Израиля. И вдруг он обратился к народу: «Встретим его, как встречают главу всей диаспоры, – но не вставанием, а траурным сидением!» – и все сели на пол, и магид тоже, и начал говорить, обращаясь к р. Ицхаку-Эльханану, и просить его, чтобы он стал заступником для своего народа, преследуемого в изгнании, для каждого из сынов, страждущих и измученных... Все сидели и плакали горькими слезами!

Кто может понять движения души? Непостижимым образом в разгар этого плача людского, и моего тоже, я решил, что не буду учиться здесь – «человек должен постигать То-

ру в том месте, которое согревает его сердце», но два непреложных факта были мне совершенно ясны: я хочу учить Тору – и много учить! А это место не согревает мое сердце!

У р. Якова-Йоси был внук, Зейдл Гурарье, сын зятя, Бера Гурарье. Бер Гурарье выглядел так: почтенный домовладелец, длиннобородый еврей, хваткий и вечно в делах. У него был магазин лакокрасочных материалов, который в один несчастный день был уничтожен пожаром за считанные часы... Зейдл был моим другом. Он был старше меня на два с половиной года, я с ним ежедневно занимался и за это обедал вместе с ними и получал деньги на карманные расходы. От Зейдла я узнал многое про йешивы рабби Цви-Гирша Шлеза^[170], которые тот создал в киевской губернии: в Черкассах, в Ржищеве и в Корсуне. Имя Цви-Гирша Шлеза было мне знакомо: я видел его книгу «Беседы мудрецов» (комментарии к Торе рассказы о мудрецах). Два экземпляра ее в различных изданиях, в красивом переплете – один с посвящением от автора, «Цви-Гирша бар Бен-Циона Шлеза, уроженца Векшни, ныне живущего в Корсуне», а другой с посвящением от его сына, «Элиэзера бен Цви-Гирша Шлеза из Кременчуга», – хранились в книжном шкафу ребе Якова-Йоси. В первый раз в жизни у меня была возможность сравнить два издания одной книги, различавшиеся не только по времени издания (на несколько лет), но и по месту: одно из изданий было зарубежным.

Мы сговорились с моим другом, что сразу после Песаха

вдвоем поедem в Корсунь, будем там учиться вместе, у меня будет постоянный доход, который наряду со стипендией из кассы р. Гирша Шлеза позволит мне учиться и «достойно зарабатывать». У меня была еще одна причина покинуть Кременчуг: я хотел отделиться от моего брата. Мы с моим старшим братом Яни (Цви-Яаковом) все детство учились вместе, но далеко не всегда наше сосуществование было мирным. Брат утверждал, что я «тороплив» и «порывист», меняю каждый час свои планы (он даже прозвал меня «Бен-Цион бен Халафта»^[171] («переменчивый»)); мы очень сильно отличались друг от друга по темпераменту. У нас была общая собственность – книги. Мы покупали их на собственные карманные деньги, которые давала нам родня, посещая нас в Кременчуге, и мы часто спорили по поводу «общей собственности»: нужно ли вложить все деньги в покупку книг и сэкономить на поездке домой или можно себе позволить разок какие-нибудь развлечения? В этом вопросе наши мнения сильно расходились. Однажды я даже решил предложить брату... пойти покататься на лодке по Днепру – а это стоило по 25 копеек на человека! Ну не позор ли, кататься на лодочке, как гои! Но если не считать подобных крайностей, то в целом это даже хорошо, что я не был противником «мирских удовольствий»: мне нравилось выпить стаканчик бузы (напиток из перебродившего проса) или яблочного кваса, попробовать татарского мармелада (рахат-лукума) или мороженого крем-брюле, которое носили в небольших коробках

на голове и кричали: «са-ахарное моро-оженое»... Брат считал все эти вкусности чем-то постыдным. Книги, которые я хотел купить, ему тоже не нравились: «Хроника поколений» в издании р. Нафтали Маскиль ле-Эйтана^[172] (ведь она у нас есть дома – хоть и напечатанная шрифтом Раши!), «Хроника поколений учеников Бешта»^[173] (хасидские притчи – их даже бесплатно не стоит в руки брать!), Танах с комментариями Мальбима^[174] (стоит кучу денег! – ты с ума сошел?!), однотомика Талмуда (ослепнуть можно от такого микроскопического шрифта!).

Брат же хотел купить «Ха-Шита ха-мекубецет»^[175] с комментариями на трактаты «Бава Кама», «Бава Мециа» и «Бава Батра»^[176]; и «Мло ха-роим»^[177] р. Якова-Цви Йолеса. И когда мы купили в качестве компромисса «Хронику поколений» и «Ха-Шита ха-мекубецет», у нас возникли разногласия: будут ли эти книги нашей общей собственностью или их надо разделить между нами; но ведь «Ха-Шита ха-мекубецет» в три раза дороже «Хроники поколений»! Как же тогда приобретать «общие» книги? Мы решили, что общими книгами у нас будут настоящие галахические книги... С тех времен у меня сохранилась надпись на книге «Сефер хаманхиг»^[178]: «Эта книга принадлежит Цви-Якову и Бен-Циону, сыновьям р. Шнеура-Залмана-Ицхака ха-Леви Динабурга; 5655-й год».

Наши мнения расходились еще и потому, что я много использовал *Масорет ха-Шас*, тогда как для брата подобный

способ совмещать различные листы Гемары и витать между мирами отнюдь не казался разумным: ибо не следует учить одновременно несколько трактатов! Кроме этих жалоб «духовного» рода были также и другие претензии. Мой брат был экономен, умел беречь каждый грош, а я представлял собой обратную картину. Обычно родственники давали мне большую часть карманных денег, а потом уже я передавал брату его долю. Сначала у нас была общая касса. Но брат стал говорить, что у него нет желания беречь деньги лишь для того, чтоб я их растрачивал. И мы решили: у нас будет отдельный бюджет! Правда, брат утверждал, что ему как первенцу полагается вдвое больше, так как, по его мнению, деньги, получаемые от родственников, надо рассматривать как наследство; во всяком случае так предписывает хасидская традиция... Мы стали делить деньги поровну, и в итоге в кармане моего брата оставалось 15 рублей наличными, а у меня не было денег даже на то, чтобы купить билет на поезд в *Хорал*...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Хедер – начальная еврейская школа для мальчиков младшего возраста, в которой изучаются древнееврейский язык и Пятикнижие с комментариями.

2.

Арон кодеш («Священный ковчег») – место (шкаф) в синагоге, где хранятся свитки Торы.

3.

Казенный раввин – избранный общиной и утвержденный губернскими властями раввин. В его обязанности входили регистрация рождений, браков и смертей, контроль за правильностью совершения религиозных обрядов. Казенный раввин должен был владеть русским языком и иметь признанное государством высшее или среднее образование. Зачастую, должность казенного раввина была номинальной, а главные религиозные функции в общине выполнял так называемый духовный раввин, получавший свои полномочия только от общины.

4.

Духовный раввин – формально заместитель или помощник казенного раввина. В реальности, особенно в черте оседлости, духовные раввины часто были истинными

лидерами общин.

5.

Монтефиоре, сэр Мозес (Моше, 1784–1885) – крупнейший британский банкир и предприниматель, с 1846 г. – баронет. Монтефиоре – выдающийся еврейский филантроп и общественный деятель, внесший огромный вклад в развитие еврейских поселений в Палестине. В 1846 г. посетил Россию.

6.

Шнеур-Залман из Ляд (Старый ребе, Алтер ребе, 1747–1812) – хасидский лидер (цадик), основатель особого направления в хасидизме – Хабад и родоначальник династии цадиков, позже принявших фамилию Шнеерсон.

7.

Любавичи – в настоящее время село Рудянского р-на Смоленской обл. С 1813 г. по 1915 г. – центр хасидского движения Хабад.

8.

Шнеерсон, Менахем-Мендл из Любавичей (Цемах Цедек, 1790–1866) – третий лидер движения Хабад, законовед, мистик, автор многочисленных галахических и эзгегетических сочинений.

9.

Борух-Шолом из Лужан (1804–1869) – старший сын третьего лидера Хабада Менахема-Мендла Шнеерсона (Цемах Цедека). После смерти отца не унаследовал титул цадика (реббе), тем не менее пользовался большой популярностью среди хасидов. Его потомки были раввинами в различных населенных пунктах Российской империи, а правнук по мужской линии, Менахем-Мендл Шнеерсон, стал седьмым по счету любавичским цадиком.

10.

Цвейфель, Элиэзер-Цви (1815–1888) – писатель, преподаватель раввинского училища в Житомире. Пытался совместить идеи Гаскалы с хасидизмом и раввинской ученостью. Писал на иврите и на идише. Литературное творчество Цвейфеля отличается разнообразием жанров – он писал как художественные произведения, так и публицистику, труды по истории, литературно-критические статьи. Отличался положительным и серьезным отношением к хасидизму и еврейской традиции, более характерным для последующих поколений исследователей (Бубер, Дубнов и т. д.)

11.

Еврейское историко-этнографическое общество – было

основано первоначально в виде Комиссии при Обществе для распространения просвещения между евреями в России, самостоятельно существовало с 1908 г. и прекратило свою деятельность в конце 1920-х гг.

12.

Хорол – город в Полтавской губ., ныне Полтавская обл., Украина.

13.

Шнеерсон, Дов-Бер (Средний ребе, Митл ребе, 1773–1827) – второй лидер движения Хабад. Перенес центр движения из Ляд в Любавичи.

14.

Адмор – аббревиатура слов адонейну, морейну верабейну, «господин, учитель и наставник наш». Принятое в хасидском движении обозначение духовного лидера, которого называют также рабби (ребе в восточноевропейском произношении), цадик («праведник»), «добрый еврей» или «красивый еврей».

15.

Шнеерсон, Шмуэль (Махараш, 1834–1882) – младший сын Менахема-Мендла Шнеерсона (Цемах Цедека). После смерти отца и раскола движения Хабад на 4 ветви с

центрами в Копыси, Лядах, Нежине и Любавичах возглавил любавичских хасидов.

16.

«ха-Магид» («Проповедник», ивр.) – еженедельная газета на иврите. Была основана в 1856 г. в г. Лык, в Пруссии (ныне г. Элк, Польша), где издавалась до 1890 г. В 1890–1892 гг. издавалась в Берлине, в 1892–1903 гг. – в Кракове. С 1880-х гг. находилась на палестинофильских позициях.

17.

«ха-Мелиц» («Заступник», ивр.) – газета на иврите, с 1886 г. печаталась ежедневно. Выходила в 1860–1871 гг. в Одессе, с 1871 по 1874 гг., затем с 1877 по 1904 гг. – в Петербурге. С 1880-х гг. придерживалась палестинофильской ориентации.

18.

«ха-Цфира» («Гудок», ивр.) – еженедельник, выходивший на иврите в Варшаве в 1862 г. под редакцией Х.-3. Слонимского. В 1874 г. был возобновлен в Берлине, а с 1876 по 1906 гг. вновь выходил в Варшаве, с 1885 г. – под редакцией Н. Соколова.

19.

Ученый еврей – должность, введенная в 1844 г. в некоторых государственных институтах. Ученые евреи

служили консультантами по религиозно-этическим и прочим вопросам еврейской национальной жизни, а также инспектировали еврейские училища.

20.

Кокошкин, Сергей Александрович (1796–1861) – петербургский обер-полицмейстер, с 1847 по 1856 г. – генерал-губернатор Харьковской, Полтавской и Черниговской губерний.

21.

19 кислева – праздник, отмечаемый в движении Хабад. Посвящен освобождению основателя движения р. Шнеура-Залмана из Ляд из-под ареста в Петербурге в 1798 г.

22.

Ланде (Ландау), Израэль-Исер (1839–1906) – родился в семье хасидов Хабада, в 1889 г. принял лютеранство. В 1889–1906 гг. работал цензором еврейской литературы в Петербурге. По свидетельству знавших его людей, крещение Ланде носило достаточно поверхностный характер, он продолжал втайне соблюдать еврейскую традицию, в частности, в его доме подавалась только кошерная пища. Был связан с еврейскими религиозными кругами, способствовал беспрепятственному выходу религиозной литературы. Боролся с проявлениями открытого атеизма в

светской литературе. Отправил свою жену и дочь в Швецию, где они могли придерживаться еврейского религиозного образа жизни. В апреле 1906 г. подал в отставку, умер в октябре того же года в Швеции.

23.

Даян (судья, ивр.) – судья, разбирающий религиозные вопросы и конфликты между частными лицами. Здесь – специалист по Галахе.

24.

Галахические решения, Галаха – совокупность еврейских религиозных правил и предписаний. Термином Галаха называют также законоведческие тексты Талмуда и вообще всю еврейскую законоведческую литературу.

25.

Поместье знаменитого князя Мещерского – возможно, имеется в виду Мещерский, Владимир Петрович (1839–1914) – журналист и беллетрист. Автор ряда романов о жизни петербургской элиты, а также художественных произведений, направленных против революционеров и «нигилистов». Редактор ультраправого журнала «Гражданин».

26.

Резник (шойхет) – специалист, совершающий убой скота и птицы в соответствии с предписаниями иудаизма.

27.

Кружки (копилки) Меира-чудотворца – р. Меир-чудотворец (Меир Баал ха-Нес, прибл. 110–165 гг. н. э.) – выдающийся законоучитель талмудической эпохи. Согласно талмудическому преданию, р. Меир творил чудеса краткой молитвой: «Боже Меира, услышь меня» (Талмуд, Авода Зара, 18а). Гробница р. Меира в Тверии является местом паломничества. Копилки р. Меира-Чудотворца, в которые собирались пожертвования на содержание могилы р. Меира, других мест паломничества и йешиив Земли Израиля, были во многих еврейских домах, в них было принято бросать монеты перед зажжением свечей в субботу и праздники и т. д.

28.

Колель – объединение евреев – выходцев из того или иного региона, проживавших в Земле Израиля.

29.

Хабад – одно из наиболее влиятельных направлений хасидизма. Название – аббревиатура ивритских слов хохма, бина, даат – «мудрость, понимание, знание», названия трех высших эманаций – сфирот в учении Каббалы. Основано в

конце XVIII в. р. Шнеуром-Залманом из Ляд. После смерти основателя центр этого движения переместился в местечко Любавичи Могилевской губернии (ныне – Смоленская область). Во главе движения Хабад стоят потомки р. Шнеура-Залмана – Шнеерсоны.

30.

Сбор денег на содержание раввина – в Российской империи раввины находились на содержании общин. В этой связи были распространены сборы пожертвований на содержание раввина, также проводился сбор средств на нужды цадиков (среди хасидов) и на поддержку йешив (главным образом среди миснагедов, см. прим. 34).

31.

10 кислева – праздник, отмечаемый в движении Хабад. Посвящен освобождению в 1826 г. второго лидера Хабада р. Дов-Бера из Любавичей из-под ареста в Витебске.

32.

Пурим – праздник, установленный в связи с избавлением евреев Вавилонии от гибели во времена царя Ахашвероша. Пурим – самый веселый из еврейских праздников. В этот день принято посылать яства друзьям и раздавать подарки беднякам, устраивать театрализованные представления и веселые застолья.

33.

Симхат Тора («Радость Торы») – в диаспоре – последний, девятый день праздника Суккот (в Земле Израиля совпадает с восьмым днем, Шмини Ацерет), в который заканчивается и начинается заново годовой цикл чтения Торы; один из самых веселых еврейских праздников.

34.

Меламед – учитель начальной школы (хедера), преподававший обычно Пятикнижие и Мишну.

35.

Миснагдим (букв. «противники», ивр.), миснагеды – противники хасидизма, представители традиционного раввинистического иудаизма. Идейная борьба между миснагедами и хасидами продолжалась в еврейских общинах Восточной Европы со второй половины XVIII в. до конца XIX в.

36.

«Восход» – журнал, издававшийся в Петербурге А. Ландау. Первое еврейское периодическое издание на русском языке, сумевшее просуществовать долгие годы (с 1881 по 1903 гг.). См. о нем: «Восход» – «Книжки Восхода»: Роспись содержания / Сост. А. Р. Румянцев. Вступ. ст. В. Кельнер.

37.

«Мидраш Раба» – сборник мидрашей (вольных комментариев, легенд и т. п., посвященных библейским сюжетам) к Пятикнижию и пяти книгам Писаний – Руфь, Эсфирь, Плач Иеремии, Экклесиаст, Песнь Песней. Впервые опубликованы вместе в 1545 г. в Венеции. В наше время известен, прежде всего, по двум образцовым виленским изданиям XIX в.

38.

«Ялкут Шимони» («Антология Шимона») – антология мидрашей, составленная в XIII в. р. Шимоном из Франкфурта. Включает более десяти тысяч аггадических и мидрашистских изречений и комментариев по всем книгам Библии на большинство ее глав и значительную часть ее СТИХОВ.

39.

«Толдот Яаков-Йосеф» («Потомство Яакова – Йосеф», ивр.) – главный труд Яакова-Йосефа из Полонного, написан в форме комментария на Тору. Излагает основы хасидского учения Баал-Шем-Това, впервые был опубликован в 1780 г. в Кореце.

40.

«Тания» – основной труд Шнеура-Залмана из Ляд, систематизированное изложение концепции хасидизма Хабада. Первоначальное название книги – «Ликутей амарим» (ивр. «Собрание изречений»), но чаще ее называют по первому слову-Тания (арам. «Учение»). Две первые части «Тании» были опубликованы в 1796 г. в Славуте (ч. 3–4 – только в 1814 г.), сразу же вызвав значительные нападки как со стороны миснагедов, противников хасидизма, так и со стороны ряда хасидских авторитетов, которые усматривали в концепции Шнеура-Залмана, подчеркивающей примат разума над чувствами и переживаниями, отступление от учения Бешта. Впрочем, полемика не помешала «Тании» стать одним из наиболее авторитетных хасидских сочинений.

41.

«Ликутей Тора» – сочинение основателя движения Хабад р. Шнеура-Залмана из Ляд (1745–1813). Содержит комментарий к Пятикнижию. Впервые опубликовано в Житомире в 1848 г.

42.

«Биурей Зохар» – каббалистическое произведение второго лидера Хабада, любавичского ребе Дов-Бера Шнеерсона. В «Биурей Зохар» автор анализирует книгу «Зохар» с точки

зрения идеологии Хабада.

43.

«Кунтрес ха-хитпаалут» («Трактат об экстазе») – произведение любавичского ребе Дова-Бера Шнеерсона. Книга является систематическим изложением учения Хабада. Впервые издана в 1876 г.

44.

Гилель из Парича (1795–1864) – раввин в Париче, позже в Бобруйске. Один из лидеров движения Хабад. Способствовал росту и укреплению хабадских общин в Восточной Белоруссии и на Южной Украине.

45.

Паричи – поселок в Светлогорском р-не Гомельской обл., Белоруссия.

46.

«Тиферет Исраэль» («Слава Израиля») – произведение р. Исраэля Лифшица (1782–1860). Содержит комментарий к Мишне. Впервые опубликован в Ганновере в 1830 г.

47.

Талмуд (букв. «Учение», ивр.) – основополагающий свод правовых и морально-этических положений иудаизма.

Талмуд представляет собой расширенный комментарий к более древнему законодательному своду – Мишне (III в. н. э.). Он включает дискуссии, которые велись законоучителями Земли Израиля и Вавилонии на протяжении восьми столетий, и является основным источником Устной Торы. Различаются более авторитетный Вавилонский и Иерусалимский Талмуды.

48.

Раши (акроним рабби Шлама Ицхаки, 1040–1105) – раввин, талмудист, глава талмудической школы в г. Труа (Франция), автор наиболее авторитетных комментариев к Библии и Талмуду.

49.

«Захар» («Книга сияния») – самое значительное произведение еврейской мистики, чья роль в развитии иудаизма сравнима разве что с ролью Талмуда. «Захар», авторство которой традиция приписывает Шимону бар Йохаю (II в. н. э.), написана на арамейском языке, по-видимому, испанским каббалистом Маше де Леоном (XIII в.). Носит форму комментариев к Пятикнижию, дополненных вставными трактатами и многочисленными приложениями.

50.

Бейт-мидраш (букв. «дом учения», ивр.) – помещение, предназначенное для изучения Торы, иногда выполняющее также функции синагоги.

51.

Гемара (в ашкеназском произн. Гемора) – часть Талмуда, собрание дискуссий и рассуждений мудрецов II–V вв. н. э. (амораев) по поводу текста Мишны. Тексты Гемары включают как галаху (закон), так и агаду (предания). Этим термином называют также весь Талмуд или талмудические трактаты.

52.

Членов, Йехиэль Вульфович (Ефим Владимирович, 1863–1918) – врач, один из руководителей сионистского движения в России, публицист.

53.

Выселение евреев из Москвы в 1891 г. – выселение из Москвы евреев-ремесленников и членов их семей. Всего было выселено около 20 000 евреев.

54.

Шавуот – праздник дарования Торы на Синае и одновременно праздник первых плодов. Шавуот празднуется в начале лета, шестого и седьмого сивана. В

первую ночь Шавуот принято бодрствовать, изучая Писание.

55.

Хавдала – «Отделение субботы» – ритуал, совершаемый на исходе субботы, после наступления темноты, включающий благословение вина, благовоний и огня (обычно свечи со многими фитилями).

56.

Недельная глава Торы – еврейский текст Пятикнижия делится на 54 главы, по числу недель лунно-солнечного года. Название главы соответствует первому значимому слову в ее тексте. Главы, разделенные на семь частей, читают по пергаментным свиткам Торы по субботам, в ходе утреннего богослужения; первые части глав грядущей субботы читаются также в утреннем богослужении понедельника и четверга.

57.

Пятикнижие, также Тора, Письменная Тора, Хумаш – первые пять книг Библии: Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие.

58.

«Школа» (ивр. «Бейт ха-сефер») – учебник, составленный Мордехаем-Бецалелем Шнейдером. Впервые

был опубликован в Вильно в 1889 г. и в дальнейшем многократно переиздавался. До конца 1920-х гг. в разных странах вышло по крайней мере 17 изданий этой книги. Учебник был предназначен для еврейских школ и хедеров, им могли пользоваться дети при изучении Торы, Пророков, истории еврейского народа и иврита.

59.

Лаг ба-Омер – тридцать третий (день) омера, периода между Песахом и Шавуот, предназначенного для духовного самосовершенствования и отмеченного элементами траура. В этот день прекратилась эпидемия среди учеников рабби Акивы (II в. н. э.). В память об этом событии, связанном с восстанием Бар-Кохбы, на Лаг ба-Омер принято жечь костры и стрелять из луков.

60.

«Сад цветов» («Ган прахим», ивр.) – периодическое издание. Выходило в 1880–1882 гг. в Вильно, в 1882–1893 гг. – в Варшаве, под редакцией Йехошуа Мейзаха (Сегала, 1834–1917). Содержало литературные и публицистические материалы на иврите.

61.

Ранние пророки – имеются в виду библейские книги Иисуса Навина, Судей и 1–4 книги Царств.

62.

Танах – собственно Библия, аббревиатура названий разделов еврейского канона Библии: Тора, Невиим, Ктувим – Тора, Пророки, Писания.

63.

Эфрон – житель Хеврона, у которого Авраам приобрел поле и пещеру Махпела. См. Бытие, 23:8-20.

64.

«Хаей Сара» – недельная глава Торы (Бытие, 23:1 – 25:18).

65.

«Брейшит» – первая книга Торы, соответствующая книге Бытие синодального перевода Библии.

66.

«За грехи» («Аль хет») – молитва, содержащая текст покаяния в грехах. Читается во время дневной молитвы Судного дня.

67.

«Ваеце» – недельная глава Торы (Бытие, 28:10 – 32:3).

68.

«Псахим» – трактат Вавилонского Талмуда, обсуждает законы праздника Песах, содержит галахические дискуссии на различные темы: маца, пасхальная жертва, Пасхальный седер, второй Песах, празднуемый лицами, которым было запрещено из-за ритуальной нечистоты праздновать Песах в срок, установленный для всей общины.

69.

Ханина Сган ха-коханим – еврейский мудрец I в н. э. Был служителем в Храме и стал свидетелем его разрушения римлянами в 70 г. Его высказывания неоднократно цитируются в Мишне.

70.

«Иосиппон» – популярное историческое сочинение на иврите, составленное анонимным автором X в., повествующее о еврейской истории и истории древнего мира, начиная с Адама и Яфета и легендарной истории Рима и вплоть до падения Масады в 73 г. н. э. В основу «Иосиппона» положены латинские переводы трудов Иосифа Флавия (отсюда название) и различных апокрифов, а также средневековые хроники. Вплоть до Нового времени «Иосиппон» считался ценным историческим источником и многократно переводился на восточные и европейские языки, в том числе на русский.

71.

«Иудейская война» Иосифа Флавия. Один из наиболее важных источников по истории Иудейской войны против римлян (66–73 гг. н. э.). Автор – Иосиф Флавий (Йосеф бен Матитяху, 37–100) – один из предводителей восставших, впоследствии перешел на сторону римлян.

72.

Шульман, Кальман (1819–1899) – ивритский писатель и переводчик, учился в воложинской йешиве, примкнул к движению Гаскалы, преподавал в Виленском раввинском училище. Перевел на иврит «Иудейскую войну» Иосифа Флавия.

73.

«Хулин» – трактат Вавилонского Талмуда о ритуальном убое скота и диетарных законах.

74.

Йешива – высшее еврейское религиозное учебное заведение для мужчин. Обучение в йешиве не преследует конкретных практических целей и может продолжаться с тринадцатилетнего возраста до женитьбы.

75.

Левертов, Пауль (Файвел, 1878–1954) – в 1895 г. крестился,

учился в различных немецких университетах. После Первой мировой войны переехал в Лондон, занимался миссионерской деятельностью. Основал церковь для евреев-христиан. После прихода нацистов к власти организовал Центр помощи христианам-неарийцам, помогал им эмигрировать из Германии в Англию и США. Автор ряда книг миссионерского содержания на английском, немецком и иврите. Перевел «Исповедь» Блаженного Августина на иврит.

76.

«Исповедь» Блаженного Августина (354–430) – автобиографическое произведение, в котором автор описывает свое внутреннее развитие от младенчества до окончательного утверждения в ортодоксальном христианстве. Определила форму литературной автобиографии в западноевропейской средневековой литературе. Повлияла также на развитие этого жанра в литературе нового времени.

77.

«Шаббат» – трактат Талмуда. Содержит детальное обсуждение законов, касающихся субботы и видов работ, запрещенных в этот день. Здесь же приведены содержание и анализ законов о празднике Ханука.

78.

Иерусалимский, Моше-Нахум (1865–1916), – раввин в ряде городов Польши. Автор книг «Минхат Моше» («Приношение Моше») и «Лшад хашемен» («Елей»).

79.

Хен (Хейн), Давид-Цви-Гирш (1846–1926) – хабадский раввин Чернигова в 1870-х – 1920-х гг. Глава раввинского суда в этом городе. Был одним из наиболее популярных и влиятельных деятелей Хабада своего времени. С 1924 г. – в Эрец-Исраэль.

80.

Песах – праздник в память Исхода из Египта. Один из важнейших еврейских праздников, справляется на протяжении семи дней весеннего месяца нисан. На протяжении всех пасхальных дней запрещено не только употреблять какие-либо продукты из основных видов злаков, кроме опресноков – мацы, но даже владеть ими. В первые два вечера Песаха устраивается особая ритуальная трапеза – Пасхальный седер. Отмечается в марте-апреле.

81.

Рамбам – Маймонид, рабби Моше бен Маймон (1135–1204) – крупнейший кодификатор Галахи и один из

величайших еврейских философов Средневековья, врач. Жил в Испании и Египте. Наиболее известные его труды – всеобъемлющий галахический кодекс «Мишне Тора», философский трактат «Море невухим», «Книга заповедей» и комментарий к Мишне.

82.

Ренан, Эрнест-Жозеф (1823–1892) – французский историк, теолог, автор трудов по истории христианства и древней еврейской истории.

83.

Лифшиц, Израэль (1782–1860) – раввин, представитель разветвленной семьи немецких и польских раввинов. Был раввином в Дессау и в Данциге. Автор ряда комментариев к Мишне, в том числе «Тиферет Израэль» («Слава Израиля», 1830). Кроме того, составил комментарии к «Шулхан аруху» Й. Каро и «Мишне Тора» Рамбама.

84.

Мишна – древнейший (I–III вв. н. э.) свод иудейских религиозных законов, лежащий в основе Талмуда. Мишну, в ее нынешнем виде включающую 63 трактата, разбитых на шесть разделов, составил и отредактировал Рабби (р. Йехуда ха-Наси) в конце II в. н. э.

85.

«Скипетр Йехуды» (ивр. «Шевет Йехуда») – историческое произведение Шломо Ибн-Верга (конец XV- начало XVI вв.). Автор, уроженец Испании, современник изгнания евреев из Испании и Португалии. В 1497 г. в Лиссабоне подвергся насильственному крещению. В 1506 г. переехал в Италию, где вернулся к иудаизму. В 1520-е гг. написал книгу «Шевет Йехуда» – летопись преследований евреев со времен разрушения Второго Храма до начала XVI в. «Шевет Йехуда» считается одним из выдающихся произведений еврейской литературы периода Ренессанса. Выдержала множество изданий.

86.

«Хроника поколений» (ивр. «Седер ха-дорот») – историческое произведение раввина Йехиэля Гальперина (1660–1746). Содержит самую разнообразную информацию о еврейской и всемирной истории, начиная с библейских времен, биографии раввинов и т. п.

87.

«Росток Давида» («Цемах Давид», ивр.) – произведение пражского математика, астронома и географа Давида Ганза (1541–1613). Первая систематическая хроника, посвященная истории ашкеназских евреев. Впервые была опубликована в Праге в 1592 г.

88.

«Шеерис Исроэл» («Остаток Израиля») – историческое произведение, представляет собой продолжение на идише еврейской средневековой хроники «Иосиппон» (см. прим. 14 к гл. 3). Обычно издавалось вместе с переводом на идиш «Сефер Йосифон». Впервые вышло в свет в Амстердаме в 1743 г.

89.

«ха-Кармель» – литературный журнал, выходил в Вильно на иврите в 1860–1879 г. под редакцией Ш. Фина. В 1860–1863 гг. и 1865–1868 гг. выходило приложение к журналу на русском языке. В 1860–1871 гг. «ха-Кармель» выходил еженедельно, в 1872–1879 гг. – ежемесячно.

90.

Погромы 1880-х гг. – погромы, произошедшие в апреле – июле 1881 г., прежде всего на Украине, под влиянием сообщений об убийстве Александра II. В продолжение волны погромов в декабре 1881 г. вспыхнул погром в Варшаве, весной 1882 г. вновь произошли погромы на Украине, в 1883 г. – в Екатеринославе, Кривом Роге и Ростове-на-Дону, в 1884 г. – в Нижнем Новгороде. Количество жертв погромов 1880-х гг. было сравнительно небольшим, множество евреев было ранено, тысячи домов и

лавок разграблены. Следствием погромов стало, в частности, начало эмиграции евреев из России. Главным направлением эмиграции были США, евреи уезжали также в Англию, Германию, Канаду, Южную Африку, Аргентину, Эрец-Исраэль и т. д.

91.

Книга Рут – имеется в виду Библейская книга «Руфь».

92.

Боаз – персонаж библейской книги Рут («Руфь»). В синодальном переводе Библии – Вооз.

93.

Ахазия – израильский царь, в синодальном переводе Библии – Охозия.

94.

Йехояхин – в синодальном переводе Библии – Иехония.

95.

«Первая Книга хроник» – имеется в виду первая из библейских книг Паралипоменон.

96.

Зерубавель в книге Ездры (3:2 и далее) называется сыном

Шеалтиэля (Салафиила), в первой книге Паралипоменон (3:19) – сыном Педайи (Федаии).

97.

Педая – в синодальном переводе Библии – Федаия.

98.

Радак (акроним рабби Давид Кимхи, 1160? -1235?) – всю жизнь прожил в Нарбонне С совр. Франция). Комментатор Танаха. Автор ряда книг по филологии иврита. Рационалист, находился под влиянием Рамбама.

99.

Авторы «Мецудот» – имеются в виду р. Давид Альтшулер из Праги и его сын р. Йехиэль-Гилель (XVII в.) – авторы комментария к Танаху, состоящего из двух частей: «Мецудат Цион» («Крепость Сион») – объяснение отдельных слов со ссылкой на их употребление в других местах Танаха и «Мецудат Давид» («Крепость Давида») – толкования общего характера.

100.

«Сефер юхасин» («Книга генеалогии», ивр.) – произведение Авраама бен Шмуэля Закута (1452–1515). Книга представляет собой историческое сочинение, излагающее историю развития Устной Торы и дающее хронологию

деятельности законоучителей. Книга завершена автором в 1504 г.

101.

Акув – 16-й экзиларх (глава вавилонских евреев).

102.

Йехудай (VIII в.) – гаон, глава крупнейших вавилонских йешив в Пумбедите, а в 757–761 гг. – в Суре. Автор многочисленных галахических респонсов, много сделал для популяризации Вавилонского Талмуда в странах диаспоры.

103.

Хай (939-1038) – гаон, глава крупнейшей вавилонской йешивы Пумбедита, один из наиболее видных религиозных лидеров своего времени.

104.

Иосеф Кара (1488–1575) – великий мистик и законодатель, один из лидеров общины Цфата, автор кодекса «Шулхан арух», лежащего в основе всех последующих галахических трудов.

105.

Ари (акроним Ашкенази Рабби Исаак, р. Ицхак бен Шлама Ашкенази Лурия, 1536–1572) – один из

величайших еврейских мистиков, основатель особого, т. н. «лурианского» направления в Каббале. Его проповеди, записанные учениками, в первую очередь Хаимом Виталем, составили ряд сводов – «Сокровищница жизни», «Древо жизни» и «Восемь врат», вплоть до Нового времени распространявшихся в еврейском мире в основном в рукописном виде.

106.

Нисан – седьмой месяц еврейского года, выпадает на март-апрель григорианского календаря.

107.

«Дер шумер бетлер» («Немой попрошайка», идиш) – популярная переработка на идиш романа Александра Дюма-отца. Состоит из 7 частей. Выполнена писателем Авнером Таненбаумом (1848-913), специализировавшимся на вольных переводах произведений французских писателей (А. Дюма, Ж. Верна) на идиш.

108.

Ту би-Шват («пятнадцатое [число месяца] Шват», ивр.) – зимний праздник, называемый также Новый год для деревьев. Связан с началом сельскохозяйственного цикла в Земле Израиля.

109.

Суббота благословения (Шаббат мевархин, ивр.) – суббота перед наступлением нового месяца. В этот день объявляется, когда наступает новомесячье, и читается специальная молитва о том, чтобы новый месяц принес здоровье и мир.

110.

Розенфельд, Аарон – писатель, педагог, автор учебного пособия для изучения Библии и иврита «Ган шаашуим» («Сад развлечений», ивр.), вышедшего в Варшаве в 1904 г.

111.

Розенберг, Йехуда – писатель. Сторонник Гаскалы. Автор книги на иврите «Сборник писем и рассказов» (ивр. «Оцар михтавим ве-сипурим»), вышедшей в Петербурге в 1882 г. Кроме произведений самого автора в книге содержатся также работы других ивритских писателей его времени.

112.

«Эйн Яаков» («Исток Яакова», ивр.) – пользовавшийся огромной популярностью сборник агадических (не законодательных) фрагментов Талмуда, составленный р. Яаковом Ибн-Хабибом; впервые опубликован в Константинополе в 1516 г.

113.

17 тамуза – день поста. Талмуд (Таанит, 26) перечисляет пять несчастий, случившихся в этот день: были разбиты первые скрижали; при разрушении Первого Храма прекратились ежедневные жертвоприношения; в дни разрушения Второго Храма были пробиты стены Иерусалима; злодей Апустамус сжег Тору; в Святилище был помещен идол.

114.

9 ава – самый траурный день еврейского календаря – дата разрушения Первого и Второго Храмов, изгнания евреев из Испании и иных трагических событий. Девятое ава – строжайший пост, продолжающийся целые сутки и требующий отказа не только от еды и питья, но и от ношения кожаной обуви и всех земных удовольствий. В этот день в синагогах читают, сидя на земле, Эйха (Плач Иеремии) и покаянные молитвы – киннот. Девять предшествующих дней проходят в трауре и воздержании от мяса, вина и всяческих увеселений.

115.

Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России) – социал-демократическая партийная организация, созданная в 1897 г. Существовал на территории России до 1920 г. Затем последовал раскол, в результате которого

правое крыло было ликвидировано большевиками, а левое вошло в состав РКП (б). В Польше Бунд существовал до 1948 г.

116.

Сионистская социалистическая рабочая партия (ССРП, известная также под аббревиатурой С.С.) – еврейская политическая партия, действовавшая в России в 1905–1917 гг. Учреждена сторонниками «плана Уганды» на конференции в Одессе в январе-феврале 1905 г. Первоначально стояла на позициях территориализма. В 1905–1907 гг. партия пользовалась значительной популярностью среди еврейского населения, в нее входило до 27 000 человек. После поражения первой русской революции партия вступила в период длительного кризиса, ее покинуло как значительное число рядовых членов, так и некоторые из руководителей. В 1915–1917 гг. партия перешла на позиции автономизма. В мае 1917 г. объединилась с автономистской Социалистической еврейской рабочей партией (СЕРП) в единую Объединенную еврейскую социалистическую рабочую партию (ОСЕРП или на идише «Фарейникте» («Объединенная»)). В 1919 г. эта партия фактически распалась, часть ее членов перешла в Компартию, в Польше некоторые ее представители вошли в Бунд.

117.

Поздние пророки – имеются в виду библейские книги Исаия, Иеремия, Иезекииль, Осия, Иоиль, Амос, Авдий, Иона, Михей, Наум, Аввакум, Софония, Аггей, Захария и Малахия.

118.

Писания (ивр. Ктувим) – имеются в виду библейские книги Псалтирь, Притчи, Иов, Руфь, Экклесиаст, Песнь Песней, Есфирь, Плач Иеремии, Даниил, Ездра, Неемия, Первая и Вторая книги Паралипоменон.

119.

Гордон, Давид (1826–1886) – журналист, переводчик. Учился в йешиве, позже стал сторонником Гаскалы. С 1850 по 1858 гг. жил в Ливерпуле, занимался преподаванием немецкого языка и иврита. С 1858 по 1880 гг. – помощник редактора ивритского журнала «ха-Магид», выходившего в г. Лык (Пруссия). С 1880 г. – главный редактор этого журнала. Перевел на иврит «Пятилетнее путешествие по Востоку, 1846–1851» («Путешествие Биньямина Второго») И.-И. Биньямина (впервые книга вышла в 1859 г. в г. Лык). Выступал в поддержку палестинофильского движения «Хибат Цион».

120.

«Путешествие Биньямина Второго» – имеется в виду книга еврейского путешественника Исраэля-Йосефа Биньямина (1818–1864) «Пятилетнее путешествие по Востоку, 1846–1851», впервые вышедшая на французском языке в 1856 г. (перевод на иврит Д. Гордона впервые вышел в 1859 г.). В книге Биньямин описывает свое путешествие по странам Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки, где он собирал сведения, главным образом, о местных евреях. Биньямином Вторым автор назвал себя по аналогии со средневековым путешественником Биньямином из Туделы, книга путешествий которого «Книга странствий раби Биньямина» была переведена на многие языки и стала известна далеко за пределами еврейского мира.

121.

Абрамович, Шломо-Яков (Соломон Моисеевич, 1836–1917) – более известен по своему литературному псевдониму Менделе Мойхер-Сфорим; писатель, признанный классик литературы на идише. Автор ряда произведений на иврите, проникнутых духом Гаскалы (к этой группе относится и упомянутое Динуром сочинение). С 1880-х гг. XIX в. жил в Одессе.

122.

Альхаризи, Йехуда (1165–1225) – еврейский поэт. Родился в Испании, большую часть жизни провел в южной Франции

и в путешествиях по странам Средиземноморья. Писал на иврите. Автор книги «Тахкемони», где он, в частности, рассказывает о своих поездках. Считается, что творчество Альхаризи знаменует собой начало упадка еврейской поэзии в Испании.

123.

Шрифт Раши (сефардский раввинский шрифт) – разновидность ивритского шрифта, которая с самого начала еврейского книгопечатания использовалась для набора комментариев к Библии и Талмуду р. Шлама Ицхаки (Раши). В настоящее время шрифт Раши используется главным образом при издании книг религиозного содержания.

124.

«История столпов Хабада» (ивр. «Толдот амудей Хабад») – произведение Михаэля Родкинзона (1845–1904), совмещающее историко-критический и агиографический подходы к истории хасидизма. Впервые опубликовано в Кенигсберге в 1874 г.

125.

«Мишне Тора» («Повторение Закона», ивр.) Рамбама (акроним р. Маше бен Маймон, известный также как Маймонид, 1135–1204); известно также под названием «Яд ха-хазака» («Сильная рука», ивр.) –

важнейший кодекс еврейского права, вобравший в себя всю талмудическую и постталмудическую галахическую литературу. Произведение завершено автором в 1180 г., состоит из 14 книг, каждая из которых относится к особой категории системы еврейского права.

126.

Государственная Дума – законосовещательное представительное учреждение (1906-17). Учреждена Манифестом 17 октября 1905 г. Рассматривала законопроекты, которые затем обсуждались в Государственном совете и утверждались императором. Выборы в Думу были многоступенчатыми по 4 неравноправным куриям (землевладельческой, городской, крестьянской, рабочей). Женщины, студенты, военнослужащие были лишены избирательных прав. Имела 4 созыва: первый (27 апреля – 8 июля 1906 г.; председатель – С. А. Муромцев); второй (20 февраля – 2 июня 1907 г.; председатель – Ф. А. Головин); третий (1 ноября 1907 – 9 июня 1912 г.; председатель – Н. А. Хомяков, с 1910 г. – А. И. Гучков, с 1911 г. – М. В. Родзянко); четвертый (с 15 ноября 1912 г.; председатель – М. В. Родзянко). 27 февраля 1917 г. сформировала временный комитет членов Государственной Думы. Формально продолжала существовать до 6 октября 1917 г., когда была распущена временным правительством.

127.

«По соседству с нами стоял дом одного из членов семьи Родзянко (их родственник был председателем третьей и четвертой Государственной Думы)» – имеется в виду Родзянко, Михаил Владимирович (1859–1924) – политический деятель, с 1911 г. – председатель III, с 1912 г. – IV Государственной Думы, один из лидеров партии «Союз 17 октября». С 1920 г. – в эмиграции в Югославии. Автор мемуаров «Крушение империи» (М., 1992).

128.

Рафаилович, Ицхак-Йоэль (1858? -1938) – раввин и общественный деятель. С 1880 по 1932 г. – раввин в г. Кременчуг. С 1932 г. – в Эрец-Исраэль. Умер в Иерусалиме.

129.

«Бава Кама» («Первые врата», арам.) – трактат Вавилонского Талмуда, содержащий общие принципы, касающиеся материального ущерба. Описаны виды материального ущерба (в том числе нанесенного непосредственно и косвенно), наказания, штрафы, обязанность возмещения нанесенного ущерба.

130.

«Макот» («Удары») – трактат Вавилонского Талмуда, рассматривающий вопросы вынесения приговоров и

их исполнения, проблему лжесвидетельства. Содержит описание наказаний.

131.

«Таанит» («Пост») – трактат Вавилонского Талмуда. Рассматривает законы всеобщего поста, необязательных постов, постов в случае продолжительной засухи; дает перечень дат, связанных с печальными событиями, и полупраздничных дней, потерявших ныне свое значение.

132.

«Мегила» («Свиток») – трактат Вавилонского Талмуда. Содержит законы праздника Пурим, галахические правила, касающиеся свитка Эсфири и его публичного чтения в день праздника.

133.

«Торат хесед» – произведение р. Шнеура-Залмана Фрадкина (1830–1902). Представляет собой книгу вопросов и ответов, посвященных кодексу «Шулхан арух». Впервые книга издана в Варшаве в 1893 г.

134.

«Моэд» («Праздник») – раздел Мишны, посвященный законам субботы и праздников. В нем формулируются законы, общие для всех праздников, и специфические

законы для некоторых из них. Также называются разделы Вавилонского и Иерусалимского Талмудов, где содержится комментарий на данный раздел Мишны.

135.

Бар-мицва – религиозное совершеннолетие, которого мальчики достигают в 13 лет. По достижении этого возраста человек становится дееспособным, он обязан исполнять все заповеди (мицвот) и сам отвечает за себя перед Всевышним. На неделе достижения бар-мицвы проводится торжественная церемония: мальчик впервые надевает тфилин и произносит самостоятельно подготовленную проповедь; в ближайшую субботу в синагоге его впервые вызывают к чтению Торы.

136.

Мезуза – прикрепляемый к косяку двери футляр, содержащий пергаментный свиток с написанным особым образом отрывком из Торы: словами «Шма Исраэль», которые помещаются также и в тфилин. Принято целовать мезузу, входя и выходя из помещения.

137.

Аса – царь Иудеи в период Первого Храма. См. Третья книга Царств 15:8-25.

138.

«Мелахим» – имеется в виду книга Танаха (раздел «Пророки»), соответствующая Третьей или Четвертой книге Царств синодального перевода Библии.

139.

«Книга хроник» – имеется в виду одна из библейских книг Паралипоменон.

140.

Левиафан – в Библии морское животное (в современном иврите – кит). В классических еврейских текстах в одних случаях представляется как пример непостижимости величия и тайны Божественного творения, в других – как воплощающие злое начало и враждебные Богу существа, с которыми Он воюет и которых побеждает в конце времен.

141.

«Бава Мециа» («Средние врата», араб.) – трактат Вавилонского Талмуда, классифицирующий имущественные споры, спорные ситуации, связанные с находками, залогом имущества, хранением имущества или денег, займом.

142.

«Нашим» («Женщины») – раздел Мишны, посвященный

законам заключения и расторжения брака, родительским обязанностям и воспитанию детей.

143.

«Брахот» («Благословения», ивр.) – первый трактат Талмуда, содержащий правила молитв и благословений.

144.

Ханука – восьмидневный праздник, отмечается с 25 кислева по 2 тевета (т. е. зимой) в честь победы еврейского народа под предводительством рода Хасмонеев над эллинистической империей Селевкидов в 164 г. до н. э. и в память о чуде со светильником в Храме: освободив Храм от язычников, предводители восстания нашли в нем единственный сохранившийся сосуд со священным маслом, которого должно было хватить лишь на один день, но оно горело восемь дней, пока не было приготовлено новое масло. Главный обычай праздника – ежевечернее зажигание свечей.

145.

«Йевамот» – трактат Вавилонского Талмуда. Содержит законы, регламентирующие институт левиратного брака, перечисление факторов, препятствующих заключению законного брака, а также законы обращения в иудейство (гиюр).

146.

Шимон бен Гамлиэль – (II в н. э.) – законоучитель. Руководитель Синедриона в 140-х – 160-х гг. Ему приписывается несколько сот галахических постановлений, он автор многих высказываний этико-философского порядка.

147.

Шамай (вторая половина I в. до н. э. – начало I в н. э.) – законоучитель. Основал собственную школу толкования Торы «Бейт Шамай», которая постоянно полемизировала с аналогичной школой Гилеля. Считается, что Шамай отличался большей строгостью в толковании Закона, чем Гилель. Шамай и его дискуссии с Гилелем оказали значительное влияние на последующее развитие еврейской религиозной мысли.

148.

Бима – особое возвышение для чтения Торы, обязательный элемент интерьера синагоги.

149.

«Ктубот» («Брачные договоры», ивр.) – трактат Вавилонского Талмуда. Посвящен законам о брачных обязательствах, регламентации финансовых обязательств мужа в случае развода. Содержит также законы о наказаниях

за изнасилование и совращение.

150.

«Отовсюду понемногу» (ивр. «Меат ми-коль») – произведение Аарона-Иссахара Шифрина. Вышло в Варшаве в 1893 г.

151.

«Великий» – здесь – руководитель, главный раввин йешивы.

152.

Шапиро, Рафаэль (1837–1921) – раввин в Бобруйске, с 1899 г. стоял во главе йешивы в Воложине. Во время Первой мировой войны вместе с йешивой переехал в Минск, где проживал до своей смерти.

153.

Йешива в Воложине – основана в 1803 г. р. Хаимом Воложинером. В XIX в. была ведущей литовской йешивой, во многом повлияла на развитие других подобных учебных заведений. В 1891 г. русские власти потребовали, чтобы в йешиве изучались также русский язык и арифметика в объеме курса еврейских народных училищ. Глава йешивы Нафтали-Цви-Йехуда Берлин не согласился с этим, и в 1892 г. власти объявили о закрытии йешивы; Н.-Ц.-Й. Берлин и учащиеся йешивы были высланы из

Воложина. Однако в 1895 г. йешива была вновь открыта и просуществовала до Первой мировой войны, когда занятия временно прекратились. В 1921 г. работа йешивы возобновилась, окончательно закрыта йешива была во второй половине 1920-х гг.

154.

«Я учил все тексты вслух», – одной из самых популярных методик при самостоятельном изучении классических религиозных текстов было прочтение вслух всех исследуемых фрагментов. Подобная методика была распространена не только среди учащихся в йешивах или в бейт-мидрашах, но и при домашнем обучении. Считалось, что использование этой методики способствует лучшему запоминанию текста, помогает сосредоточиться на процессе учебы. Массовое чтение вслух различных текстов создавало совершенно особую атмосферу в зале йешивы и бейт-мидраша.

155.

«Эйрувин» – Трактат Талмуда, обсуждающий запрет на вынос предметов за пределы огороженного места в субботний день. В трактате содержатся раввинистические постановления по объединению дворов (эрув хацерот) и объединению пределов (эрув тхумин) – действиям условного характера, которые должны разрешить проблемы,

возникающие из-за этого запрета.

156.

Лгада (ивр.) – букв. «повествование»; тексты эпохи Талмуда, не предполагающие религиозно-юридической регламентации. Лгада включает притчи, легенды, проповеди, поэтические гимны, материалы исторического и философского содержания.

157.

Магид – здесь Межеричский магид (проповедник) – Дов-Бер (Великий Магид из Межерича, 1704–1773); ученик и преемник Бешта, основателя хасидизма. Воспитал целую плеяду хасидских лидеров и способствовал распространению хасидизма в общинах Восточной Европы. Главный труд, излагающий учение Магида, – «Научение Яакова словам его» («Магид дворав ле-Яаков»).

158.

Масорет ха-Шас – параллельные места в Талмуде. Указание параллельных мест (Масорет ха-Шас) содержится в каждом издании Вавилонского Талмуда, начиная по крайней мере со второй половины XVII в.

159.

Барайта – «внешняя Мишна», не вошедшие в основной

корпус Мишны законоположения. Тексты Барайты были введены в различные разделы Талмуда последующими поколениями мудрецов.

160.

«Йома» («День», араб.) – трактат Вавилонского Талмуда, обсуждающий законы поста в Йом Кипур (Судный день).

161.

Рав (Лба бен Лйбу; ум. в 246 г.) – выдающийся еврейский мудрец. Жил в Вавилонии, основатель академии в Суре, один из глав первого поколения создателей Вавилонского Талмуда. Был известен также как Лба Лриха («Высокий Лба»); прозвище Рав получил за то, что был «учителем (рав) всей диаспоры» (Бейца, 9а).

162.

«Ваякхель» – недельная глава Торы (Исход, 35:1 – 38:20).

163.

Минха – вторая по порядку ежедневная молитва – послеполуденная, которую произносят в светлое время дня, от часа пополудни и до заката.

164.

Маарив – вечерняя молитва, последняя из трех

обязательных ежедневных молитв. Произносится после наступления темноты. В синагогах принято читать маарив вскоре после минхи, а в перерыве между ними изучать Тору. При необходимости маарив может произноситься вплоть до рассвета.

165.

Спектор, Ицхак-Эльханан (1817–1897) – раввин в Ковно. Один из наиболее известных еврейских религиозных деятелей своего времени.

166.

Магид – «проповедник» (ивр.), задачей которого является призыв общины к раскаянию и возвращению к Торе. В Восточной Европе магида чаще всего странствовали по городам и местечкам, получая вознаграждение за свою деятельность, хотя в богатых общинах существовали и «постоянные» магида, находившиеся на содержании общины. Некоторые магида пользовались огромной популярностью, их проповеди издавали отдельными книгами. Титул магида носили некоторые хасидские лидеры (Великий магид из Межерича, Магид из Кожениц, Магид из Злочева и др.).

167.

«Виноградник Биньямина» (ивр. «Керем Биньямин») –

произведение в 3-х частях р. Биньямина-Меира Магида из Суража. Вышло в свет на иврите в 1885 г. в Вильно.

168.

Раба бар Бар-Хана (вторая пол. III в. н. э.) – родился в Вавилонии, учился в йешиве в Тверии. Позже опять вернулся в Вавилонию. Много путешествовал. Многократно упоминается в Вавилонском Талмуде (трактаты «Бава Батра», «Шаббат» и др.).

169.

«Пкудей» – недельная глава Торы (Исход, 38:21–40: 13).

170.

Шлез, Цви-Гирш (1833–1914?) – религиозный деятель. Основал не менее пяти йешив в Киевской губернии, способствовал организации сети религиозных библиотек.

171.

Бен-Циан бен Халафта – букв. «изменчивый Бен-Циан» (арам.), прозвище дано по аналогии с именем ученика р. Акивы – р. Йосе бен Халафта (II в н. э.).

172.

Маскиль ле-Эйтан, Нафтали (1829–1897) – писатель, книготорговец. Родился в семье раввина. Получил

традиционное образование. Автор комментариев к «Седер ха-дорот» Йехиэля Гальперина. Написал ряд работ, посвященных еврейской религиозной литературе.

173.

«Хроника поколений учеников Бешта» («Седер ха-дорот ми-талмидей ха-Бешт») – сочинение раввина Менахема-Мендла Бодека, посвящено хасидской агиографии. Впервые издано в 1865 г. во Львове, выдержало множество изданий.

174.

Мальбим – р. Меир-Лейбуш Мальбим (1809–1879) – мыслитель, поэт, драматург и, в первую очередь, комментатор Писания. Жил в России, Польше, Румынии, Германии.

175.

«Ха-Шита ха-мекубецет» («Сборная система», ивр.) – своего рода хрестоматия толкований Талмуда, собранная из различных источников и построенная по порядку следования трактатов. Написана Бецалелем Ашкенази (1520–1591/94), выдающимся талмудистом и главным раввином Египта и Иерусалима.

176.

«Бава Батра» («Последние врата», араб.) –

трактат Вавилонского Талмуда, содержащий законы, регламентирующие отношения компаньонов, проблему охраны имущественных прав, наследование, правила оформления ценных бумаг.

177.

«Мло ха-роим» («Множество пастырей», ивр.) – произведение р. Якова-Цви Йолеса (1778–1825). Посвящено различиям во взглядах между мудрецами Талмуда. Впервые опубликовано в 1830-х гг.

178.

«Сефер ха-манхиг» («Книга обычаев», ивр.) – произведение французского талмудиста Авраама бен Натана ха-Ярхи (1155–1215). Содержит в себе описание обычаев, характерных для различных еврейских общин в эпоху жизни автора.